

Т. СѢДЕЛЬНИКОВЪ.
Депутатъ I-ой Государственной Думы.
БОРЬБА
ЗА ЗЕМЛЮ
ВЪ КИРГИЗСКОЙ
СТЕПИ

Казахское республиканское
отделение Советского фонда культуры

Т. СѢДЕЛЬНИКОВЪ.
Депутатъ I-ой Государственной Думы.

БОРЬБА ЗА ЗЕМЛЮ
ВЪ КИРГИЗСКОЙ СТЕПИ

(Киргизскій земельный вопросъ и колонизаціонная политика правительства).

ИЗДАНІЕ
С. Дороватовскаго и А. Чарушникова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Электропечатня т-ва «Дѣло», Казачій пер., № 9.
1907.

Алма-Ата 1991

ISBN 5—7667—0147—6.

К читателю

Тимофей Иванович Седельников—одна из многочисленных фигур «людей из народа», выдвинутых 1905 годом на политическую сцену. Прямой результат его политической деятельности есть его работа «Борьба за землю в киргизской степи».

Т. И. Седельников происходил из небогатой семьи уральских казаков. Окончил землемерное училище в г. Уфе, служил 7 лет землемером, а затем в течение двух лет работал статистиком в экспедициях, обследовавших западные районы Казахстана. Именно близкое знакомство с народной жизнью, знание наболевших проблем подвигнуло его к занятию публицистикой. С 1900 г. публиковался под псевдонимом Т. Сергеева в ряде изданий, чаще провинциальных. Темой его выступлений стала защита интересов казахского народа при проведении в жизнь правительственной политики землеустройства в степи. В то время опорными моментами его критики были работы экспедиции Ф. А. Щербины (1898—1903 гг.) по изысканию «излишков земель». Так, в 1902 г. им был прочитан доклад «О нормальном киргизском хозяйстве по исследованиям Щербины в связи с выводом норм киргизского землепользования». Т. И. Седельников был в числе тех землемеров, что шли за статистическими партиями экспедиции Ф. А. Щербины и не находили тех

«излишков», которые намечали для изъятия у местного населения руководители экспедиции. Более того, он на практике видел, что грубое административное вмешательство безвозвратно разрушает живой организм традиционного хозяйствования, усугубляя и без того назревшие социально-экономические противоречия казахского общества. Демократические воззрения привели в лагерь участников революции 1905 г. С осени 1905 г. участвовал во всех митингах и собраниях г. Оренбурга. Одним из важных политических выступлений Т. И. Седельникова явилось прочтение тогда же доклада «Борьба за землю в киргизской степи и колонизационная политика правительства», после чего он подвергся репрессиям и был уволен со службы.

Предлагаемая работа Т. И. Седельникова есть переработанный вариант этого доклада, очевидно, более политизированный и подчиненный политическому моменту. К тому времени Т. И. Седельников был избран депутатом I Государственной Думы от Оренбургской губернии, вошел в «трудовую группу». При решении основного вопроса I Думы — аграрного — трудовики активно противостояли другой политической партии — кадетам. Прямым продолжением этой борьбы и является критика автором А. А. Кауфмана, одного из руководителей кадетской партии и в то же время крупного правительственного чиновника Министерства земледелия и государственных имуществ.

А. А. Кауфман известен своими исследованиями о общине, в том числе и по казахской общине. го взгляды и его труды прочно вошли в рускую историографию. В своей же практической еятельности он был прямым проводником полиики колонизации Сибири, Казахстана и других

окраин империи путем организации переселения из Европейской России.

Следует признать, что работа Т. И. Седельникова не касается научных воззрений А. А. Кауфмана, а лежит в сфере общественно-политической жизни общества того времени и относится скорее к жанру публицистики, чем к научному изысканию. Это плод работы практика, демократа по убеждению, движимого горячим сочувствием к казахам, ставшим безземельными на собственной земле. Т. И. Седельников после многих лет работы в казахской степи убедился в том, что казахское землепользование — сложный механизм и вначале надо землеустроить самих казахов, а затем уже организовывать переселенческие участки. Это основной тезис его работы. Решать этот вопрос он предлагал через Думу. Будучи депутатом Думы Т. И. Седельников при рассмотрении аграрного вопроса выступал по поводу тяжелого земельного положения в Казахстане. Он пишет и в предлагаемой работе, что с требованием казахов о справедливом земельном устройстве всех слоев казахского населения «русские передовые политические партии не могут не считаться», добавляя ядовито, «что бы там ни утверждали и ни доказывали разные казенные авторитеты и знатоки киргизского земельного вопроса, вроде г. Кауфмана» (с. 110).

Вместе с тем по сути Т. И. Седельников был сторонником колонизации казахской степи, предполагая, что она «будет обставлена должными гарантиями и являться лишь частной, производной задачей в широкой программе степного поземельного устройства» (с. 113).

По данной работе нетрудно заметить, что его идеалом является оседлый хозяин-казах, который только тогда станет «фактически равноправ-

ным с остальным населением государства» (с. 112). Эти взгляды принадлежат уже не землемеру Седельникову, а трудовику Седельникову, члену партии «крепких» крестьян.

Таким образом, работа Т. И. Седельникова «Борьба за землю в киргизской степи» заключает в себе многие темы, бывшие дискуссионными в публицистике к. XIX—н. XX вв. Это и споры о том, по какому пути идти казахскому народу, об оценке процесса оседания части его, о роли крестьянской колонизации и о действиях правительства в этом направлении и пр. Вместе с тем в нее привнесены собственные политические мнения и оценки автора.

Т. ВОЛКОВА — к. и. н., с. н. с. отдела истории Казахстана нового времени Института истории, археологии и этнографии им Ч. Валиханова АН Казахской ССР.

Предлагаемый вниманию русской читающей публики, интересующейся жизнью инородцев и своеобразными формами земельного вопроса на окраинах, очерк борьбы за землю между отдельными слоями и элементами киргизского народа, в связи с вопросом о степной колонизации, написан, главным образом, на основании непосредственного знакомства автора с киргизской жизнью в течение семи лет*—с одной стороны, а с другой — с постановкой деятельности временных партий по образованию переселенческих участков в степи и работами экспедиции по исследованию степных областей, организованной известным земским статистиком Ф. А. Щербиною. Положение кочевников западной части степи и их отношения с оседлыми киргизами выяснено здесь более или менее подробно благодаря тому, что автору два года [1904 и 1905] пришлось поработать самому в качестве статистика как раз в этой части степи [Уральская область] и произвести самостоятельный опрос представителей более 30 кочующих волостей Уральской, Закаспийской и частью Тургайской области, помимо статистических исследований в 7 оседлых волостях Уральского и Темирского уездов.

* В областях Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской, где идут землеотводные работы.

По вопросу о характере и направлении киргизских кочеваний в прежнее время, когда в степи не было оседлого населения, наибольшую пользу оказала при составлении настоящего очерка интересная и обстоятельная работа статистика Н. Ф. Дмитриева: «Очерк хозяйственного быта киргизов по данным Кустанайского и других уездов», напечатанная в «Материалах» названной выше экспедиции по Кустанайскому уезду. Однако, без знакомства с имеющимися относительно истории киргизской степи архивными данными, эта историческая часть предлагаемого очерка могла быть изложена лишь в общих чертах и слишком схематически.

Наоборот, история работ экспедиции Ф. А. Щербины и временных партий, работающих в степи, интересная только для специалистов, передана здесь в немногих словах, чтобы не заслонять основную тему очерка—борьбу за землю, хотя в материалах недостатка и не было.

В заключение, может быть, не лишне будет отметить, что настоящий очерк является переработкой прочитанного автором осенью 1905 г. в Оренбурге публичного доклада: «Борьба за землю в киргизской степи и колонизационн. политика правительства».

24 сентября 1906 г.

I

Самый распространенный и вместе с тем вредный предрассудок читающей публики относительно киргизов это тот, что все киргизы «на одно лицо», как китайцы, и живут как-то особенно, по-своему, на непонятных для нас хозяйственных началах в виде чистого пастбищного скотоводства.

При слове киргиз человеку, не бывавшему в степи, рисуется черномазый, в высоком остроконечном малахае, всадник, который с длинной пикой в руке мчится по степному простору во весь опор, заворачивая непокорный табун лошадей голов в 500—600.

Киргиз — кочевник, киргиз — скотовод, киргиз — «вольный сын степи», — только такого киргиза знает русская читающая публика, но это как раз и служит лучшим доказательством ее слишком недостаточного знакомства с киргизской жизнью.

Однако этот взгляд укоренился в литературе не случайно, не в силу одного недостатка сведений о киргизах. Наоборот, определенного сорта литераторами и определенными слоями самого киргизского народа этот предрассудок распространяется и поддерживается вполне сознательно, из вполне конкретного, недвусмысленного расчета.

Таким авторитетным «исследователям» и «знатокам» степи, как Ф. А. Щербина и А. А. * Кауфман, работавшим по организации совершенно незаконного отобрания киргизских земель под переселенческие участки, весьма удобно и выгодно было отыгрываться на признании «своеобразных условий кочевого быта» в тех случаях, когда они лицом к лицу сталкиваются с нуждами и потребностями самих киргизов, как оседлых-земледельцев, иначе им пришлось бы, приостановив казенную колонизацию степи, выгодную с недавних пор «истинно-русским землевладельцам», заняться сложным и трудным делом поземельного устройства самих киргизов.

С другой стороны, оседлые богачи-киргизы, засевающие иной раз по 300—400 десятин хлеба и имеющие торговый оборот в несколько сот тысяч рублей, прикидываются кочевыми «киргиз-кайсаками» для того, чтобы получше прибрать к рукам земли, захваченные этими господами у действительных кочевников-скотоводов.

Таким образом, на первый взгляд невинное идеализирование бытовых особенностей киргизской жизни скрывает под собой в конечном счете чисто материальные интересы русской земледельческой и киргизской степной буржуазии, и самому киргизскому народу, в его обездоленных слоях, это так же выгодно, как русскому небогатому крестьянину выгодны волостные суды, земские начальники и прочие результаты правовых и хозяйственных «особенностей» русской деревни. И в том, и в другом случае жизненные интересы народный массы требуют самой беспощадной борьбы с этими иногда красными по

* См. его доклад «Исследование степных обл.», «Народ. хоз.», №4, 1901 г.

форме, но всегда вредными по существу предрассудками. Люди — везде и всегда люди, как бы они ни назывались и как бы своеобразны на поверхностный взгляд ни были внешние, показные стороны их быта.

История хозяйственно-экономического развития киргизского народа не только ни в чем не противоречит правильно понятым основным принципам исторического материализма *, а наоборот, сама дает для подтверждения их немало новых интересных данных, освежающих пока еще недостаточно изученные формы эволюции первобытного хозяйства.

При этом особенно важно для науки то обстоятельство, что здесь, в киргизской степи, мы можем наблюдать непосредственно как все промежуточные типы хозяйства — от кочевого пастбищного скотоводства до чисто земледельческого и даже чисто промыслового, — так и их непрерывную борьбу между собой: пуповина, соединяющая первобытную материнскую форму хозяйства с выделившимися из нее современными формами, далеко еще не совсем отпала, что и облегчает возможность на конкретных фактах проверить любой теоретический вывод сколько угодно раз, при самых разнообразных комбинациях внешних условий.

При изучении киргизской жизни мы исходили из того взгляда, что история человечества есть последовательный и непрерывный процесс развития и смены форм человеческого общежития, форм общественности, от менее сложных к более сложным, под влиянием борьбы как отдельных людей, так и общественных групп между

---

* Точнее «исторического монизма».

собою за наиболее благоприятные условия для своего существования и размножения, т. е. под влиянием «борьбы за существование» в широком смысле слова.

Врожденная, бессознательно эгоистическая потребность жить и размножаться, общая для всего органического мира, действовала в человечестве задолго до того времени, когда оно впервые поставило себе вопрос «о смысле жизни», и до сих пор остается основной пружиной человеческого прогресса. В удовлетворении этой потребности человек всегда встречал препятствия двоякого рода: со стороны внешней — «живой и мертвой» — природы и со стороны других людей. Единственным средством для борьбы человека с природой является труд, организованный в форме хозяйства. Хозяйство есть та первичная, основная почва, на которой люди объединяются в группу, в общество. Совокупность хозяйственных организаций в данной обособленной общественной единице есть то, что называется ее производительными отношениями и ее экономикой. Прогресс человеческого общества имеет в ближайшей основе своей прогресс производственных отношений, т. е. постепенную последовательную смену низших менее сложных форм хозяйства высшими более сложными, а эта смена идет в человечестве более или менее параллельно его прогрессивному численному росту: при прочих равных условиях, большая густота населения совпадает и с большей культурностью его. Междугрупповая, международная борьба и борьба внутригрупповая или классовая на позднейших стадиях развития — являются производными от только что указанных двигателей исторического процесса; появившись в из-

вестный момент, они могут быть с течением времени устранены ходом вещей.

Чем человек меньше приспособляет к себе посредством социально-трудовых организаций внешние условия своего существования, тем в большей мере должен он сам обладать способностью приспособляться, а это именно и наблюдается в жизни диких и малокультурных, но жизнеспособных племен.

Способность киргизов приспособляться к внешней обстановке сильно бросается в глаза даже при поверхностном знакомстве с их жизнью в разных частях степи, резко несходных по характеру общих естественно-исторических условий и по степени влияния на киргизов других, более культурных народов.

Так, в Зайсанском уезде Семипалатинской области, летом 1901 г. автору пришлось жить среди таких киргизов, которые, не зная другого способа передвижения, кроме верховой езды на лошади и верблюде, не зная никаких промыслов и заработков, в то же время занимаются, наряду с чисто пастбищным скотоводством, земледелием исключительно поливного типа. Научились же они при помощи одной лопаты проводить сложнейшие ирригационные сети, коими покрыты все долины рек и речек, от своих соседей — китайцев и дунган.

В Устькаменогорском, Каркаралинском и Акмолинском уездах на приисках, в Павлодарском — на каменно-угольных копях, а по Иртышу — на пароходах и пристанях — масса профессиональных рабочих киргизов, которые работают нередко артелями и чуть ли не самостоятельно додумались до забастовок: это пролетарии чистейшей воды.

В северных частях Акмолинского и Атбасарского уездов и в уездах Кустанайском, Актюбинском и Уральском киргизы ведут в широких размерах земледельческое хозяйство по тому же типу, какой наблюдается в соседних казачьих и переселенческих поселках. Они охотно приобретают косилки, жнейки, железные плуги и даже молотилки и настолько вошли во вкус этой новой жизни, что уже с гордостью заявляют: «Чему еще могут научить нас русские в хозяйстве! Теперь мы сами их можем учить!» Сказать какому-либо киргизу-северянину, что он ведет свое хозяйство, как русский — «орусча», — значит польстить ему самым приятным для него образом.

В некоторых волостях Уральского уезда средний посев на сеющее хозяйство достигает до 9 казенных десятин; по Актюбинскому уезду число сеющих хозяйств составляет 94,4 проц., средний посев на сеющее хозяйство 6,2 дес.; продано по уезду за 1898 г. 1.183.000 пудов зерна, главным образом проса, причем на продававшее хозяйство приходится проданного хлеба по 70 пудов, а вообще на каждое хозяйство в уезде — около 67 пудов.

В том же районе, вместе с земледелием, развиты разные заработки и промыслы. Так, в 1904 г. по Карачаганакской волости Уральского уезда автором было зарегистрировано: 80 сапожников со средним объявленным заработком в 56 р. 40 коп.; 40 кибиточных мастеров со средним заработком в 65 р. 79 к.; 60 торговцев со средним чистым доходом по 98 р. 60 к.; 10 плотников со средн. заработком по 60 р. 80 к.; 13 кузнецов со ср. заработком по 106 р. 54 к.; 16 мясников со сравнительно скромным доходом по 37 р. 22 к.; 13 извозчиков со ср. заработком по 62 р.

10 коп.; 392 чернорабочих, зарабатывающих в среднем по 52 р. 45 к. Кроме того, как единичные случаи отмечены доходы и заработки приказчиков, писарей, чабаров (рассыльных), седельников, золотых дел мастеров, содержателей чайных, харчевен, постоялых дворов, почтосодержателей и пр. Всего из 1597 хозяйств по волости посторонние доходы, помимо скотоводства и земледелия, отмечены у 703, или у 44 проц., при среднем заработке около 65 рублей, причем надо иметь в виду, что многие киргизы скрыли свои заработки или значительно уменьшили их доходность при опросе.

И, наконец, в Средней Азии, можно встретить немало киргизов, занимающихся садоводством и поливным земледелием по системе, целиком перенятой у соседних сартов; хороший сад, дающий в урожайные годы до 400 пудов яблок, встречен был мною в Темирском уезде, впрочем, как совершенно исключительное явление, пока еще не нашедшее себе подражателей среди окрестных киргизов.

Вообще, киргизы не упускают случая извлечь выгоды даже и из часто случайных, исключительных особенностей той или другой местности. В Караагачской волости, Уральского уезда, есть, напр., рыбное озеро Сулу-куль, где раньше ловили рыбу русские. В настоящее время все почти окрестные киргизы—рыбаки, умеющие не только ловить, солить и вялить рыбу, но и вязать сети и готовить другие снасти.

То же самое наблюдается и в формах землепользования, которые почти всегда более или менее строго приспособлены к местным условиям, как естественно-историческим, так и хозяйственным: если плохие земли, годные только под пастбище, лежат в земледельческой общине на

юге, а пахотные на севере, киргизы летуют* на юге, а северные земли распахивают, и вообще располагают свои летние кочевки так, чтобы это было сообразно с выгодами оседлых сторон их хозяйства: земледелием и сенокошением.

В Тарбагатайских горах (Зайсанск. у.), где зимой местами, из-за глубокого снега, невозможно никакое сообщение, вы видите ряд маленьких общинок в 5—10—25 кибиток, из коих каждая выбирает место для постройки постоянных зимних жилищ — «зимовок» — так, чтобы скот можно было пасти вокруг, не нуждаясь в перегонах на более далекие места.

В Актюбинском уезде, наоборот, преобладают большие аульные земледельческие общины (от 100 до 250 хозяйств) вроде казачьих и переселенческих, так как в виду однообразного качества земель здесь попеременно каждая часть общины служит то пашней, то летним пастбищем для всего аула.

А в упомянутой выше Карачаганакской волости (Ур. у.) уже намечается крупная волостная община, как и в соседних волостях, потому что здесь территории отдельных аулов вытянулись в виде длинных и узких полос — по киргизски «мангдай» (лоб), шириной по 4—5 верст, а длиной до 60—70 верст, благодаря чему соблюдение аульных границ является немыслимым и невыгодным с точки зрения хозяйственных удобств и интересов.

Грамотность русская и мусульманская, знание русского языка, смешанная пища со значительным потреблением растительных продуктов,

* Летовать (джайляу) — значит стоять где-либо летом в войлочных юртах или кибитках и пасти стада.

удобная в трудовом обиходе одежда на татарский лад, чистые и просторные жилища для зимы, нередко уже с прямыми и сознательными претензиями на известный комфорт, — все это сопутствует, именно, как раз развитию земледелия и промыслов и почти целиком отсутствовало до самого последнего времени у сохранившихся до сих пор огромных масс чистых кочевников-скотоводов, которые живут по-прежнему не трудами рук своих, а челюстями своих лошадей, верблюдов и баранов, перекочевывая с ними с места на место, из года в год, с незапамятных библейских времен.

Итак, как результат сильно развитой приспособляемости киргизского народа к особенностям внешней обстановки, мы имеем в настоящее время в киргизской степи не один, а несколько различных и взаимно борющихся между собою хозяйственных типов, начиная от чисто скотоводческого кочевого через скотоводческо-земледельческий, земледельческий-чистый и земледельческо-промысловый до чисто промыслового, распадающегося на два противоположных типа: предпринимательский и пролетарский.

Это является лучшим доказательством жизнеспособности и энергии киргизского народа и богатства его духовных сил, позволяющих ему быстро осваиваться с окружающими условиями и встать по отношению к ним в наиболее выгодное положение в каждом отдельном случае.

Только свыкшись с этой, для пишущего эти строки совершенно бесспорной, мыслью, читатель сможет должным образом уяснить себе, если не картину, то по крайней мере грубый абрис той борьбы за землю, которая до сих пор идет по всей степи и выражается иногда в крайне резких формах, совершенно непонятных, если

смотреть на киргизов, как на однородную, неподвижную в хозяйственном и культурном отношении массу кочевников-скотоводов.

II

Элементы борьбы уже намечены:

Теперь мы должны рассмотреть, на какой почве она происходит и в каких формах выражается. Основную причину своей борьбы за землю сами киргизы определяют довольно точно и ясно. Они говорят: халык усоды, жир успейды, народ растет, земля не растет, т. е. народ размножается, а земля остается все та же.

И действительно, при кочевом и чисто пастбищном скотоводстве должен существовать известный предел, сверх которого население, живущее на данной определенной территории, не может доводить размеры своих стад. Предел этот определяется тем количеством скота, какое может прокормиться на данной территории при наименее благоприятных условиях, т. е. в самый тяжелый год. Всякий излишний скот сверх этого предела, хотя и мог бы прокормиться в средние и лучшие годы, в плохой год не только падет сам, но и повлечет за собою гибель почти всего стада, так как он задолго до конца зимы съест тот запас подножного корма, который предельному количеству скота как раз и пригодился бы под конец зимы: недостаток корма даже на одну неделю решает в таких случаях участь всего киргизского живого капитала.

Следовательно, чтобы определить, сколько киргизов-кочевников, ведущих чисто пастбищное хозяйство, может безбедно прожить на данной территории, способной в наиболее неблагоприятные годы прокормить известное предельное ко-

личество скота, нам нужно знать сколько скота необходимо одной кочевой семье для того, чтобы она, живя ни бедно, ни богато, могла полностью удовлетворить все свои потребности, иначе говоря нужно определить норму благосостояния кочевой семьи.

Норма емкости всей данной территории в отношении населения определится при таких условиях, как частное от деления предельного количества скота на норму обеспечения скотом одной кочевой семьи.

Размножаясь сверх того количества, какое может без затруднения прожить на данной территории при пастбищно-скотоводческом хозяйстве, население неминуемо принуждено будет испытывать хозяйственный кризис, для ослабления которого ему придется избирать один из трех возможных путей: или увеличить размеры пастбищной территории путем захвата новых земель, или понизить уровень своих потребностей, иначе обеднеть, или, наконец, перейти к более совершенной, более интенсивной форме хозяйства, требующей меньшей площади земли для существования одной семьи. Иными словами, изменить или размеры территории, или уровень потребностей, или, наконец, форму хозяйства.

Первый путь к улучшению своего положения в более или менее серьезных размерах практиковался киргизами до принятия русского подданства и некоторое время после того, когда они силой отнимали пастбища у соседних народов, особенно у калмыков. После массового бегства калмыков при Екатерине II, освобожденные ими земли между Волгой и Уралом были заняты в 1801 г. частью Малой Орды под предводительством хана Джангера. Отсюда и получилось начало так называемой Букеевской орды.

С тех пор в степи имели и имеют место лишь частичные переселения небольших аулов, но эти переселения, содействуя более равномерному распределению киргизов по всей степи, не были в состоянии ослабить начавшийся, вероятно, еще в XVIII столетии кризис пастбищно-скотоводческой формы хозяйства.

Тем более, что как раз во второй половине XVIII столетия началось усиленное наступательное движение на киргизскую степь со стороны казачьей колонизации, требовавшей для себя весьма значительного количества земель: напр., одно Оренбургское войско занимает в настоящее время площадь в 7 с половиной миллионов десятин, а кроме того, за счет киргизских земель были устроены войска Сибирское и Семиреченское, занимающие не менее 5 мил. десятин; уральское войско во второй половине XIX столетия оттягало у киргизов всю левую сторону Урала с массою хороших заливных лугов, ныне по нужде арендуемых теми же киргизами.

При таком положении дела, когда площадь пастбищ, предоставляемых свободному пользованию киргизского народа, не расширялась, а наоборот, значительно сокращалась, очевидно, для киргизов оставалось только два других выхода из критического положения, а именно: сначала обеднение, а затем постепенный переход к оседлому земледельческому хозяйству.

Чтобы понять, как могло произойти это в действительности, мы должны установить, каким образом киргизы пользовались степными пастбищами до кризиса их единственной традиционной формы хозяйства *.

* Здесь мы пользуемся упомянутой в предисловии работой Н. Ф. Дмитриева: «Очерк хоз. быта киргизов», стр. 7—26.

Степь четырех северных областей: Уральской, Тургайской, Акмолинской и Семипалатинской отличается тем типичным свойством, что здесь на севере сгруппированы лучшие земли с более или менее богатой и разнообразной растительностью, тогда как на юге преобладают солонцы и песчаные пустыни, где растут лишь грубые травы, да и то в сравнительно ничтожном количестве: продолжением этих южных степей служат ближайшие районы областей Закаспийской и Сыр-Дарьинской.

Такая особенность в характере территории всех этих степных областей и определила собою направление кочевок и форму землепользования населяющих эти области киргизов: зиму они все проводили в обширных южных пустынях, где снегу мало, и редко бывают такие бураны, как на севере, а на лето они откочевывали в роскошные, обильные кормом и водою северные степи. Наличность подножного корма избавляла кочевников от необходимости заботиться о кормовых запасах на зиму, а возможность зимовать на юге, в сравнительно теплых местах, позволяла обходиться без постоянных жилищ, довольствуясь круглый год одной и той же переносной войлочной юртой.

При этом, в виду постоянно волновавших степь раздоров и междоусобий, ближайшие родичи и во время пути, и во время стоянок зимой и летом естественно старались держаться вместе, чтобы быть во всякую данную минуту готовыми отразить врага общими силами. Поражение в такой схватке было равносильно почти полному разорению для данной родовой группы, так как главная цель нападения состояла в том, чтобы угнать у побежденных по возможности весь

наличный скот, единственное ценное достояние каждого кочевника * .

Этим и объясняется та удивительная родовая сплоченность, какая в старые времена наблюдалась по всей степи, а сейчас сохранилась только у таких истых скотоводов-кочевников, как адайцы Уральской и Закаспийской областей. Адайцы до сих пор никогда не обращаются к услугам русского суда для разбирательства своих «семейных» дел, а при столкновениях с другими родами стараются замять дело «по киргизскому обычаю» платя, напр., за убийство пеню, штраф, по-киргизски «кун», в 1000 баранов, 40 кобылиц, 500—600 рубл. деньгами и «бес жаксы» — пять хороших вещей: ружье, ковер, саблю и пр., всего около 7000 рублей; все это собирается по раскладке со всего рода, к которому принадлежит убийца, и вносится весьма охотно, чтобы только не доводить дело до русского суда, не понимающего киргизских обычаев. Воровство среди своих у адайцев, по-видимому, никогда не практикуется, но и у чужих адаец не ворует, а берет посредством открытого нападения — «барымта», близко напоминающего собою прежние междоусобные схватки. **

---

* Подобный способ отбирать у врага его стада после кровавой схватки в открытом бою сохранился кое-где в степи еще и до сих пор и носит название: «барымта», честная военная добыча, в отличие от позорного воровства — «урлув». как тайного похищения чужой собственности.

** «Пусть говорят, что мы, адайцы, дикари, невежды и даже разбойники... Но адайцы не воры!» —с гордостью заявил нам один адайский аксакал (старик ,букв. белобородый) в 1905 г.

Во избежание излишних поводов к таким столкновениям кочевые роды уже издавна должны были придерживаться по возможности одних и тех же путей и урочищ на зимних и летних стоянках. Таким то образом, у каждого рода и получалась в конце-концов своя сфера влияния, в виде длинной, протянувшейся с севере на юг полосы степи — «мангдай». Конечно, у более сильных и влиятельных родов и «мангдай» был лучше и шире, что обеспечивало им возможность, имея большое количество скота, размножаться быстрее других, более слабых и бедных родов *.

* Род для киргизов является и до сих пор живой коллективной личностью, у которой есть свои достоинства и недостатки, своя слава и позор. Так, род Исентемир, из числа 12 боюлинских наиболее бедный и малочисленный не пользуется ни почетом, ни уважением. Тогда как адайцы весьма гордятся своим именем и потому, пожалуй, имеют на это право как род наиболее воинственный, независимый, многочисленный и богатый скотом. На этот счет в степи есть даже поговорка, приписывающая адайцу такой ответ на вопрос по происхождению: «Танысан адаймын, танымасон Кудаймын!». Если признаешь меня, я адаец, а не признаешь—я твой Бог, т. е. что захочу, то и сделаю с тобой. На ярмарках Уральской области адайцы наиболее желанные покупатели и заказчики: они не торгуются и деньгами не дорожат. На общих пирушках (той) лучшее место отводится представителям наиболее славного, уважаемого рода. На оседлых адайцы смотрят свысока, как на бедняков

Когда наступил кризис пастбищно-кочевого хозяйства, понятно, сильнее всего он должен был отразиться на судьбе таких слабых, малочисленных родов, которые не только не в состоянии были раздвинуть на обе стороны своих соседей, чтобы очистить себе большой пастбищный простор, а наоборот, должны были сами, выдерживая двусторонний натиск, сжиматься и сокращать свою мангдайную полосу. Таковы Семиродцы (Жетру) Малой орды.

Сокращение пастбищ вело за собой усиленные падежи скота, а это принуждало стесненные и обедневшие роды подумать о своей дальнейшей, судьбе: раз прежняя форма хозяйства не могла уже служить для них надежным обеспечением, оставалось волей-неволей искать другую, более соотвествующую тому положению, в каком малосильные роды оказались вследствие кризиса. И вот эти роды оседают на севере для того, чтобы жить там круглый год, вблизи и отчасти под охраной русских поселений.

Ввиду более сильных холодов и буранов и более глубокого снега здесь, на севере, оседание ведет за собой устройство постоянных зимних жилищ для себя и прочих загородей для скота взамен передвижной войлочной юрты и передвижных же загородей из войлока или камыша, а затем, естественно, возникает вопрос о заготовлении на зиму посредством сенокошения известных запасов готового корма «на всякий случай» и для подкармливания более слабых и молодых животных. Впоследствии, под влиянием дальнейшего размножения и близости русских земледельческих поселений, начинает постепенно развиваться и земледелие, от которого, по выражению киргизов, двойная польза: себе пища и скоту корм.

Излишек сена и соломы, остающийся от потребления в наиболее урожайные и вообще благоприятные годы, позволял оседлым пополнять недохватки годов неурожайных, а это значительно повышало норму емкости территории. При кочевом же пастбищном хозяйстве избыток корма в лучшие годы нисколько не может компенсировать его недостатки в плохие.

Чтобы не возвращаться к этому вопросу еще раз, мы должны в нескольких словах отметить то значение, какое могла иметь в этом процессе последовательного оседания киргизов и развития у них земледельческого хозяйства, издавна существовавшая связь степи с русским, а через него и с мировым рынком. Чистые кочевники могли отчуждать в таких пунктах, как Оренбургский меновой двор, только скот и продукты скотоводства: кожи, шерсть, волос и пр., покупая взамен того посуду, домашнюю утварь, одежду и вообще все то, что не могло быть сделано дома, из своего материала. При обилии животной пищи: мяса, молока и кумыса, кочевники смотрели на такие предметы, как: чай, сахар и хлеб, как на простое лакомство или, точнее, предметы роскоши. Обедневшие роды, наоборот, имели слишком мало скота не только для продажи, но и для собственного потребления: весьма ограниченная для них возможность питаться мясом и кумысом делала необходимым введение в обиход жизни какого-нибудь нового вида пищи, недорогого и доступного каждому бедняку: явилась потребность в растительных продуктах, в хлебе. А так как покупать этот хлеб в достаточном количестве у русских обедневшим киргизам было не на что, то нужда и научила их есть калачи: они сами принялись за посев хлеба. В настоящее время в наиболее культурных районах

степи домашнее потребление хлеба у киргизов приближается к среднему крестьянскому.

Но этого мало. Мы уже видели выше, что актюбинские киргизы производят хлеба так много, что сами имеют возможность выбрасывать на рынок более миллиона пудов зерна ежегодно: недостаточность отчуждения продуктов скотоводства, которое у оседлых имеет сравнительно скромные размеры, восполняется отчуждением продуктов земледелия. Хозяйство становится на две ноги и потому приобретает более устойчивое равновесие.

III

Переход к более интенсивной и более устойчивой форме хозяйства позволил осевшим родам размножаться в уровень с кочевниками и, может быть, даже быстрее их, а это, конечно, поднимало силу и значение прежде униженных и забитых родов сравнительно с богатыми и влиятельными кочевниками.

Впрочем, на первых порах, не предвидя будущего, кочевники не могли быть особенно против того, что обедневшие роды садились на севере, чтобы жить там и зиму, и лето. Наоборот, уменьшение числа ежегодно возвращающихся на зиму в южные степи ставило кочевников в лучшие по сравнению с прошлым условия, так как представляло в их распоряжение больший пастбищный простор в самое трудное и опасное время, т. е. ослабляло для них причины кризиса и улучшало их положение.

Но с течением времени, вследствие уже отмеченных нами простейших причин, для кочевников должна была неизбежно, с роковой неот-

вратимостью обнаружиться и оборотная, невыгодная сторона их положения.

Дело в том, что, размножаясь весьма быстро в силу приспособления к новой, более благоприятной обстановке существования, и пользуясь в течение ряда поколений одними и теми же землями, северные, оседлые киргизы к настоящему времени уже почти совершенно забыли о происхождении их права на занимаемую ими землю и стали серьезно считать себя хозяевами прежних общих летовок, не считаясь ни с какими прежними мангдаями и признавая себя вправе, по своему усмотрению, допускать или не допускать на то или иное урочище кочевников и неприписных, сторонних киргизов *, а также сдавать любое место в аренду казакам, разночинцам и переселенцам из Росии.

Ввиду абсолютного сокращения площади прежних общих летовок, лучшие части которых постепенно оказались захваченными зимовками, пашнями и сенокосами оседлых, размножение самих кочевников, сокращавшее относительно и площадь южных пастбищ на единицу населения, должно было поставить их в то тяжелое, безвыходное положение, когда не кочевать нельзя, а кочевать трудно, почти невозможно, потому что на сравнительно ничтожную площадь свободных летовок, пока еще оставшихся от прежнего простора и приволья, кочевников теперь приходится в несколько раз больше, чем прежде.

Таким образом, сильные и богатые кочевые роды, насильственно притиснув более слабые и бедные роды, во время степного скотоводческо-

---

* Об этих неприписанных, сторонних киргизах, называемых «гостями» (кунак), см. в конце XI главы.

кочевого кризиса, оседлому образу жизни, дали им новое, серьезное оружие для борьбы за размножение, и это оружие было потом весьма умело пущено оседлыми в ход против кочевников, своих недавних притеснителей и обидчиков.

Иными словами, сильные кочевники, всегда бравшие верх над обедневшими родами, пока сражались с ними на одинаковой для обеих сторон почве пастбищно-кочевого хозяйства, были наиболее приспособлены к внешней обстановке своего существования только до перехода побежденных к другой, более совершенной и устойчивой форме хозяйства, дававшей больше гарантий против случайностей урожая трав и зимней погоды.

Но как только этот переход совершился и оседлые настолько окрепли в новых условиях жизни, чтобы почувствовать себя в состоянии перейти из оборонительного положения в наступательное, из страдательного залога в действительный, роли быстро переменились, и кочевники скоро сами оказались в роли наименее приспособленных, в роли побежденных. Произошло это так. Желая поддержать коэффициент своего размножения на прежнем уровне при наступившем стеснении в пастбищах, кочевники в лучшие и средние годы стремились довести свои стада до наибольшего размера, далеко превышавшего тот максимальный предел, свыше которого они не могли увеличивать количество своего скота на остававшейся в их распоряжении пастбищной территории.

А это вело к тому, что «куян-жылы» * ,годы джута или падежа скота от гололедицы и бескормицы, наступавшие через 12 лет, стали весьма резко отражаться на благосостоянии отдельных кочевых групп, превращая их почти поголовно в бесскотных бедняков, которым нечего было и думать о продолжении прежнего кочевого образа жизни: «пешком далеко не укочуешь».

Благодаря этому, с каждым новым падежом скота у кочевников происходило усиленное сокращение площади общих летовок на севере. С одной стороны, обедневшие роды или части их, не имея возможности кочевать, садились на облюбованных летовочных местах и превращались навсегда в оседлых, и с другой — старожилы оседлые, пользуясь тем обстоятельством, что после падежа скота число кочевников, у которых хватало силы дойти до северных летовок, сразу падало до ничтожных размеров, спешили захватить своими постоянными угодьями лучшие части соседних летовочных урочищ.

---

* Особенно памятен степи «Большой куян» 187 г., после которого масса киргизов бросили кочевать и начали усиленно заниматься земледелием. «Малый куян», 1891 г., подействовал в том же направлении, но слабее. Слово «куян» значит заяц. Дело в том, что летосчисление киргизы ведут по 12-летнему циклу, обозначая каждый из годов в определенном порядке именем животного: змея, курица, дракон, обезьяна и проч. Киргизы запоминают название года своего рождения и это им облегчает установить свой возраст. По наблюдению киргизов годы зайца бывают наиболее тяжелыми и неурожайными. Последний «куян» 1903 г. прошел сравнительно благополучно.

Оправившись немного, кочевники натыкались на севере на результаты этих новых захватов летовок со стороны оседлых и потому, не имея возможности, при неподвижной форме хозяйства, возвратить себе прежний пастбищный простор, должны были беднеть окончательно и терпеть новые падежи скота даже и не в годы куяна (через 12 л.), а в самые обыкновенные, как напр., 1904—1905, когда оседлые, благодаря кормовым запасам, почти совсем нисколько не пострадали.

IV

Принимая киргизов в подданство в 1731 г. русское правительство об их земельных и хозяйственных распорядках очевидно имело самое смутное представление. Вот почему жалованная грамота императрицы Анны Иоанновны написана крайне неясно и неопределенно. Только прилагая к чтению ее те же способы, какие наш мужик искони применяет при чтении и понимании всяких «плантов» и бумажек «насчет земли», передовые люди степи в своей петиции, поданной в августе месяце 1905 г., могли вывести, что земля по этой грамоте была пожалована киргизам в полную собственность, так как там было написано, что киргизы принимаются в подданство на равных с башкирами основаниях, а башкиры владеют землей на праве вотчинной собственности.

Вполне понятная в те времена, когда правительство располагало весьма слабыми средствами надзора за своими подданными на окраинах, оговорка грамоты о том, чтобы киргизам не были чинимы обиды и насилия, авторами упомянутой петиции была истолкована также в том смысле, что у киргизов нельзя отбирать землю.

Это довольно наивно. Если так именно понимать эту оговорку, то мы придем к заключению, что на почве земельных отношений не подданные, а само правительство чинило киргизам обиды и насилия систематически, постоянно, более 150 лет подряд!

Мы уже видели, что казачья колонизация «степи» была начата в середине XVIII века и, непрерывно продолжаясь до последней четверти XIX ст., постепенно отняла у киргизов более 10 миллионов десятин самых лучших земель. А затем, по прекращении казачьей колонизации ,были открыты продолжающиеся до настоящего момента работы по образованию переселенческих участков из так называемых киргизских «излишних земель».

С другой стороны, и ссылка на башкир не только наивна, но и курьезна. Башкирам для их пользования правительство отвело определенный надел в 15 дес. на душу. На остальных «свободных», так сказать, башкирских землях, на тех или иных основаниях, настроена масса русских городов, сел и деревень, захвативших в общей сложности, пожалуй, гораздо большую площадь, чем какая до сих пор отобрана у киргизов. Между тем, за свои 15 десятин башкиры обязаны отбывать воинскую повинность, от которой киргизы пока свободны. Существовавшему же еще не так давно праву башкир продавать свои земли по тысяче десятин за барана или фунт чаю * я бы, на месте киргизов, также не позавидовал, иначе, при темноте и невежестве массы степного населения, параллельно с расхищением башкирских земель могла бы разыграться, может быть,

* См. Ремезова: «Очерки из жизни дикой Башкирии».

еще более грандиозная вакханалия расхищения киргизской степи.

Как бы там ни было, не может подлежать сомнению, что правительство сначала de facto, и потом de jure являлось полным хозяином киргизских земель, представленных пожизненному пользованию кочевников по обычаю, а потому и спорить против этого теперь и поздно, и бесполезно.

Только в качестве такого полновластного хозяина оренбургские генерал-губернаторы могли в первой половине XIX в. запрещать киргизам... заниматься земледелием и вообще бросать свой традиционный кочевой образ жизни!

В качестве такового хозяина администраторы 60-х годов, настроенные под влиянием духа времени довольно либерально и культурно-просветительно, отменяли такие запрещения и вырабатывали основы дальнейшей гражданско-общественной и хозяйственно-экономической жизни киргизского народа. Они полагали вполне правильно, что настоящими русскими подданными киргизы будут только в том случае, если каждого из них привязать к определенному клочку земли, где бы у него было постоянное жилище и постоянные угодья: пашни, сенокосы и пастбища. Следовательно, в глазах таких администраторов наиболее благонадежным и желательным элементом являлись оседлые киргизы, а никоим образом не киргизы кочевники, с их неискоренимой и беспокойной склонностью к вечному «бродяжничеству» *.

* Пользуемся данными из доклада г. Васильева, прочитанного в Оренб. Архивн. комиссии, осенью 1905 г.

Именно желанием закрепить и усилить переход киргизов к более или менее оседлому образу жизни и было проникнуто Положение 1868 г., разделявшее степи и ее население не на родовые единицы, а на территориальные волости, общественная и хозяйственная жизнь которых должна была происходить под неослабным и ближайшим надзором русских чиновников и русских бюрократических учреждений. И на самом деле, в истории киргизской оседлости это Положение было одним из решающих, поворотных моментов: оно проводило резкую и определенную грань между прошлым степи и ее будущим, и это не могло не быть понято тогда еще сильными и сравнительно независимыми кочевниками.

Кочевники чувствовали, что новый закон, нарушая коренным образом все дедовские обычаи, сложившиеся при чистой кочевой жизни, может быть полезен только оседлым киргизам, но ни в коем случае не кочевникам, как таковым. Оседлые киргизы, получая по этому закону земельные наделы в более или менее определенных границах для пашни сенокоса и зимнего пастбища, тем самым оказывались вполне законными хозяевами значительной и лучшей части прежних общих летовок, при полной свободе для них захватывать и в дальнейшем то, что им нравилось на этих летовках, в прямой ущерб интересам и выгодам кочевников, получавших при таком порядке только жалкие клочки и обрывки из былого пастбищного простора на севере.

Вот почему в степных волнениях 1869 г., явившихся прямым ответом на новый закон, кочевники составляли главную армию недовольных обиженных, бунтующих, охотно следовавшую за не менее недовольными и обиженными предводи-

телями из только что и навсегда устраненного от власти киргизского благородного сословия, ханских потомков, «султанов» * .

А раз и султаны, и кочевники были недовольны новыми степными порядками, им оставалось только одно — бежать. Куда? — Туда, на юг, в Хиву, Бухару, Афганистан, Китай!

Это имело для них самые тяжелые последствия. Как только «бунтовщики» убежали на юг, верноподданные киргизы поклонились начальству да, записавши за собой лучшие места на покинутых непокорными кочевниками летовках, образовали новые оседлые волости. А бежать недовольным оказалось некуда, потому что нигде на юге не было достаточной для них площади свободных пастбищ: все было занято или оседлыми туземцами, или местными кочевниками, которые, по понятным причинам, не могли встретить нежданных и непрошенных гостей особенно дружелюбно и радушно. Проскитавшись одно лето, пришлось волей-неволей покориться Белому Царю и поспешить оставить за собой хоть то, что осталось после захвата земель старыми и новыми оседлыми волостями.

В Темирском уезде, Уральской области, верховья реки Уила принадлежали до бунта —«хауажылы»—роду Табын. Когда табынцы сбежали на юг, их земли занял род Алим, который и живет теперь там оседло, как хозяин. Только VIII аул Калмак, Кырганской волости до II-Кумдууильской

---

* Аристократические «султаны-правители», управлявшие до 1869 г. большими «частями» степи, имели огромную власть и влияние. С 1869 г. высшая киргизская должность — волостной управитель по выбору самого населения, хотя и ограниченному усмотрением начальства.

населены табынцами, потомками тех предусмотрительных киргизов, которые догадались воротиться из бегов раньше других и записаться в волости вместе с алимцами. Теперь остальные табынцы-кочевники (их три волости), будучи крайне стеснены на летовках, сильно раскаиваются в своей опрометчивости, но уже сделанного не воротишь. И это, конечно, не единичный, не исключительный случай.

V

После 1870 г., когда кочевники приняли закон об общественном управлении и сами образовали волости, сплошь и рядом приуроченные к чисто фантастическим, фиктивным земельным наделам *, борьба из-за летовок между кочующими и оседлыми весьма сильно обострилась.

Обострение это произошло на почве той глубокой и существенной розни, какая к тому времени уже достаточно резко определилась между оседлыми и кочевниками, как двумя различными хозяйственными типами, ясно сознающими, вместо былой родовой солидарности, коренную про-

---

* См. в VII гл. об административных «сведениях» по этому вопросу.

тивоположность своих стремлений и интересов: что одному полезно, то другому смерть *.

Чтобы удержать за собою право ежегодно приходить с своими стадами на северные летовки, окруженные со всех сторон землями оседлых,—кочевники, забыв прежние родовые распри, начали дружно отстаивать популярный и в русской хозяйственно отсталой деревне принцип: «земля Божья».

В своих, отныне беспрерывных спорах и пререканиях с забывшими былую степную правду оседлыми, кочевники очень часто стали укоризненно выдвигать такой аргумент:

«Созданная Господом Богом земля служила прежде одинаково для всех нас летним пастбищем, а теперь вы ее называете своей. Земля не ваша: она — во-первых — Божья, а затем — царская (государственная)».

На это степные прогрессисты отвечают коротко и ясно: «Теперь царской земли нет, и есть только людская земля». Иначе, у каждого клочка земли есть свой хозяин ** .

* Теперь очень часто кочевники и оседлые, принадлежащие к ближайшим родовым группам, враждуют между собою, тогда как оседлые, принадлежа иной раз к совершенно различном родам, прежде постоянно враждовавшим между собою, уживаются даже в пределах одной земельной общины, как, напр., в VII ауле Карагачской волости, Уральск. у. Солидарность по крови, по происхождению, уступает место солидарности по расчету. «Нам русские ближе, чем кочевники», — заявляли некоторые из оседлых.

** Эти и ниже приводимые выражения записаны по Казбецкой оседлой волости, Темирск. у., Урал. обл.

Оседлые сами в своих показаниях при статистическом опросе признают, что началом этой распри послужило именно стремление их присвоить себе прежнюю общую землю: «Жир меники диген-сон-ак, тюбелес булды» * .

А раз оседлый не хочет да и не может отказаться от выгоды своего обособленного пользования землею, ему уже ни в чем нельзя сойтись с кочевником.

Кочевнику летом, естественно, хочется идти на север, в районы оседлых волостей, по лучшим местам, где есть хорошая трава и вода, но эти места как раз всего более и дороги оседлому. «Для кушпильца (кочевника) здоровье своего скота важнее существования всех оседлых», — жалуется аксакал казбецкой волости. «Ты ему говоришь: «Послушай, здесь нельзя: здесь у меня зимовка, около которой я буду пасти скот зимою, здесь у меня сенокос, тут вот у меня будет пашня, а там вон маленький клочок летовки». А он тебе и отвечает: «Какое мне дело до всего этого! Раньше я здесь летовал везде!» **

---

* Как только начали говорить: земля моя, пошли распри.

** У джатака (оседлого) пять угодий: в одном месте зимовка, в другом пашня, тут сенокос, там летовка, а то еще сложит в кучу 2—3 камня и говорит: «Это мой отар (хутор)!»—в свою очередь жалуются кочевники-адайцы, отмечая чисто «мужицкую» жадность оседлого к земле. «У адайцев земли много под небом: кочуют от Оренбурга до Мангышлака, на тысячу верст. А у нас она вся тут», — оправдываются оседлые.

В то время, как кочующий апеллирует к отжившим обычаям предков, пользовавшихся буквально «безграничным» простором пастбищ, оседлый заявляет: «По обычаю теперь жить спокойно нельзя: для спокойной жизни нужна земельная граница». (Тыныштыкка грань * жаксы). Т. е. нужен определенный порядок землепользования, его обособленность, чего кочевник признать не может.

Разность уклада жизни резко сказалась на привычках и миросозерцании. Кочевник, привыкший к вековой «перемене мест», совершенно не в состоянии понять странной привязанности оседлого к маленькому, ограниченному клочку земли, на котором приходится жить всю жизнь. Со своей стороны, оседлый не понимает, как это кочевнику не надоест таскаться веки вечные, из года в год, изо дня в день: летом на севере, зимой на юге, весной и осенью в дороге!

Следовательно, во взаимной борьбе кочевников и оседлых сталкиваются два разных мира, две эпохи, два миросозерцания. И она будет продолжаться до тех пор, пока побежденные кочевники не откажутся от своей отсталой, пережиточной формы хозяйства и не станут жить, как оседлые, как русские, как все.

Но до этого, конечно, пока еще далеко. И потому мы должны изложить и рассмотреть эту борьбу при тех конкретных условиях, какие ее вызывают и сопровождают.

---

* Грань, кран — русское слово, обозначающее новое для степи понятие.

После 1869 г., который по-киргизски называется «первый» или «новый штат», * оседлые, записавшись в разные волости и аулы, начали делиться между собой и в земельном отношении. Чем меньше было земли, тем быстрее и энергичнее совершалось обособление. Наоборот, где не слишком тесно, там и до сих пор сохранилось общее пользование «по старому обычаю». «Спорят только малоземельные». «У кого земли много, зачем будет спорить из-за границ!» — говорит уже упомянутый Казбецкий аксакал.

При этом, понятно, более богатые, а потому и более сильные и влиятельные аулы без больших стеснений увеличивали размеры своего землепользования за счет соседей, которым иногда приходилось выделять избыток своего населения к своим ближайшим многоземельным родичам в другом ауле или другой волости, а чаще всего на свободные летовки. Так что, при возникшей между самими оседлыми борьбе за землю, летовки всегда оказывались тем запасным фондом, на счет которого устраивались наиболее стесненные, наиболее малоземельные элементы. Впоследствии администрация, а затем и временные партии также охотно сажали на летовки тех киргизов, земли которых отбирались для какой-нибудь «казенной надобности». В некоторых уездах, как, например, в Кустанайском и Актюбинском, степные воротилы — богачи захватывали

* Слова эти нередко так и произносятся, только на киргизский лад: «первай штат», причем «штат» в Тургайской и Уральской области значит выборы на обществ. должности, впервые произведенные в 1869 г. по закону 1868 г. В Акмолинской и Семипалатинской обл. выборы называются «Сайляу».

летовочные земли и специально для того, чтобы сдавать их за свой счет в аренду казакам, разночинцам или крестьянам переселенцам.

Одним словом, постепенно входя во вкус новой жизни, оседлые, чем дальше, тем меньше стали склонны церемониться с нужными для кочевников общими летними пастбищами, и это не могло не вызвать со стороны кочевников серьезных протестов в силу опасений за будущее и стремления оградить себя от печальной перспективы со временем совсем лишиться доступа на севере.

Ввиду многочисленных жалоб и заявлений кочевников, администрация должна была в конце 70-х и начале 80-х годов созывать особые чрезвычайные съезды из представителей от кочевых и оседлых волостей разных уездов и даже областей, наиболее тесно связанных в земельном отношении. Съезды эти, взвешивая интересы обеих сторон, устанавливали в результате своих работ поименные списки летовочных урочищ, предоставляемых по каждой оседлой или полуоседлой волости свободному пользованию всех вообще киргизов, как местных, так и пришлых. Здесь впервые определенно разграничивались общие летовки от принадлежащих исключительно одним оседлым призимовочных пространств, занятых постоянными угодьями оседлых: пашнями, сенокосами и зимними пастбищами около землянок или зимовок. -

Обе стороны, и кочующие, и оседлые, при этом давали торжественное обещание сохранить неприкосновенность установленных границ: кочующие обязывались останавливаться и пасти только на указанных урочищах, не пуская скота на постоянные угодья, а оседлые, в свою оче-

редь, обещали не захватывать летовок под эти угодья.

Однако наиболее дальновидные и предусмотрительные кочевники, как, напр., известный в Тургайской и Уральской областях Мурзагул Чиманов,* уже заранее предвидели, что из таких взаимных обещаний никакого толку не получится, раз у одной стороны, и именно, у оседлых, есть всегда прямая выгода их нарушить.

Чтобы устранить «раз навсегда» антагонизм между кочующими и оседлыми, предотвратить неравномерность обеспечения пахотными и сенокосными угодиями у оседлых разных волостей, Чиманов, на межобластном съезде 1882 г., по Акмолинскому уезду, предложил свой, к сожалению, невыполнимый, но в высшей степени оригинальный и характерный проект, являвшийся последней попыткой примирить на справедливых и безобидных началах два хозяйственных уклада: старый — кочевой и новый —оседлый.

В этом отвергнутом большинством съезда проекте Чиманов хотел реставрировать, в новой форме, традиционные кочевые мангдаи ** таким образом, чтобы каждой киргизской волости была отведена сплошная узкая полоса земли от Урала до Аральского и Каспийского моря. На юге этой полосы богатые киргизы данной волости, как думал Чиманов, будут зимовать со своими многочисленными стадами, а на севере более бедные киргизы будут жить оседло, пахать и косить, проводя лето вместе с остальной кочующей частью своей волости.

---

* Личность замечательная во многих отношениях. Автор обязан ему весьма многими указаниями и сведениями.

** См II. главу.

Будучи совершенно прав и последователен с идейной, юридической точки зрения, вполне отвечавшей старинным киргизским понятиям об основах землепользования, Чиманов упускал из виду только одно обстоятельство, чисто практического характера: при осуществлении его проекта всю степь пришлось бы изрезать на такие узкие полосы, на которых оседлое хозяйство оказалось бы крайне затруднительным, если не совсем невозможным, причем и летовки оказались бы разбитыми на множество мелких кусков, —что вызвало бы те же недоразумения между оседлыми и кочевниками, какие наблюдаются и сейчас.

Но для нас важно в этом проекте именно то, что он весь был проникнут признанием принципа, что настоящим владельцем и распорядителем всех киргизских земель является, по доверию государства, весь киргизский народ, а не отдельные уезды, волости и аулы, и потому всякие серьезные изменения в степных земельных порядках должны происходить с ведома и согласия, если не всего народа, то по крайней мере всех тех волостей, которые связаны между собою в отношении землепользования.

Фактическим осуществлением этого бесспорного и справедливого принципа и были постановления указанных выше межобластных чрезвычайных съездов, которые только одни могли явиться высшим, компетентным и авторитетным судьей и посредником в деле примирения интересов оседлых и кочующих и установления между ними терпимого порядка жизни. Очевидно, только такие же новые съезды могли устанавливать дальнейшие изменения в границах общих летовок и вообще в назначении земель того или иного рода.

К сожалению, эта простая истина оказалась почти совершенно забытой и со стороны администрации и со стороны оседлых киргизов, а землеотводному ведомству она и совсем никогда не была известна.

Это и отразилось в сильной степени на всей последующей судьбе общих летовок, до сих пор продолжающих служить яблоком раздора между оседлыми и кочевыми киргизами.

VI

Действительно, оседлые вскоре после межобластных съездов, не обращая никакого внимания на их списки и постановления, снова начали по-прежнему захватывать постоянными угодьями лучшие части соседних летовок, распоряжаясь ими по своему усмотрению, как единоличные хозяева.

Борьба разгорелась с новой силою и с большим, чем прежде, ожесточением, так как кочевники, теряя одно урочище за другим, начали чувствовать со дня на день все больше и больше стеснения и обиды со стороны оседлых, приобретших себе могущественного союзника в лице областной и уездной бюрократии, которая совершенно утратила в конце концов понимание того, что десятками лет происходит на ее глазах.

Чтобы дать читателям более или менее ясное представление об этой стадии борьбы кочующих за летовки, мы, на основании официальных документов, расскажем типичную историю одного летовочного урочища в Актюбинском уезде. *

* Копии с документов доставлены нам Чимановым.

При образовании русского города Актюбинска, в 1887 г., были отобраны земли у 64 кибиток ханских потомков — «султанов». Уйсылкаринская оседлая волость по своему волостному приговору отвела этим султанам места для зимовок и постоянных угодий из земель установленной межобластным съездом 1882 г. общей летовки Чийли, совсем не пожелав справиться с мнением заинтересованных в этих землях кочевников трех областей: Тургайской, Уральской и Закаспийской.

Ввиду такого неправильного и незаконного присвоения себе одной волостью права распоряжаться общими летовками, упомянутый выше Мурзаил Чиманов, как представитель кочевников Иргизского уезда, подал жалобу министру внутренних дел, который и приказал передать дело на новый межобластной съезд. Но сам жалобщик, возбудив против себя тургайскую администрацию, был каким-то упрощенным порядком приговорен к 6 месяцам тюремного заключения за то, что он самовольно продолжал по-прежнему летовать на Чийли: на вполне законный протест Чиманова администрация глядела уже как на своеволие и кляузничество * .

Созданный в 1892 г. по распоряжению министра межобластной съезд носил очень бурный характер. Все выборные других уездов, кроме Актюбинского, числом 47, или совсем не соглашались отводить 64 султанским хозяйствам землю из летовок, или же, в крайнем случае, предлагали им значительно меньшую площадь, находя

---

* Впоследствии, сделав очень удачный «ход» под вице-губернатора Бельгардта и поставив бюрократию в затруднительное положение, Чиманов был амнистирован и теперь служит волостным управителем.

ранее проектированный по волостному приговору надел чрезмерно большим. В этом смысле 47 выборных и сделали свое постановление, тогда как 20 выборных Актюбинского уезда подтвердили приговор Уйсылкаринской волости. Председатель съезда, чиновник Червицкий, тянул явно на сторону оседлых. Он написал, что постановление большинства съезда состоялось без его участия, как председателя, и потому было незаконно. Тургайское областное правление, по представлению Червицкого, утвердило постановление меньшинства съезда, решавшее судьбу Чийли не в пользу кочевников, а в пользу султанов.

А через 11 лет после того произошел следующий характерный инцидент. В 1903 году №6 аул Уйсылкаринской волости, образовавшийся из поселенных на Чийли 64 султанских кибиток, сдал часть своего надела (5000 дес.) в аренду молоканам, чем и доказал справедливость утверждения 47 участников съезда 1892 г., что земля султанам была отведена слишком щедро.

Эта сдача земли на Чийли молоканам окончательно заперла кочевникам Иргизского и Темирского уездов доступ на многие ветовки, лежащие западнее Чийли. Соседняя Эмбо-Темирская волость, Темирск. у., которая за последнее время была страшно обездолена возмутительно бесцельным отобранием долин и оврагов в Муюджарских горах якобы под лесные дачи, хотя в ином овраге растет всего навсего каких-нибудь два-три ни на что негодных кустика, — подала Тургайскому * губернатору жалобу с просьбой отменить аренду Чийли молоканами. Возникла переписка между двумя губернаторами—Тургай-

* Волость сама принадлежит к Уральской области. О лесных дачах см. ниже. XI гл.

ским и Уральским, тянувшаяся более 3-х лет, до весны 1906 г. Насколько нам известно, Уральский губернатор приказал объявить просителям, что ввязываться в земельные дела и распри соседней области не их дело: у них есть своя земля, которой они и могут беспрепятственно пользоваться!

Закончится история спорной летовки Чийли, вероятно, тем, что Тургайская временная партия образует на ней переселенческий участок и тем самым разом разрубит гордиев узел.

Но уже и теперь судьба этого урочища весьма типична и поучительна: предоставленное свободному пользованию всех киргизов по постановлению выборных от трех областей, оно было отведено 64 хозяевам по приговору одной только волости, подкрепленному согласием 20 выборных одного уезда, вопреки постановлению 47 выборных от нескольких уездов, а затем было сдано в аренду уже русским по инициативе одного аула, может быть, даже каких-нибудь отдельных влиятельных лиц из его среды!

В этом случае, как и в массе других, о которых мы говорить не будем, администрация, утверждая явно неправильное постановление съезда, а затем и аренду Чийли, стала недвусмысленно на сторону оседлых против кочевников, поощряя тем самым то незаконное расхищение общих летовок, какое по Тургайской области произведено в ужасающих размерах.

Кстати сказать, и сдача спорной летовочной земли в аренду русским весьма распространенный и излюбленный прием оседлых, желающих этим путем отделаться от притязаний кочевников и вместе с тем извлечь из спорного участка хоть какую-нибудь выгоду для себя.

Казбецкая волость, Темирского уезда, сдала осенью 1904 г. в аренду русским то самое лето-

зочное место по р. Джикенды, где кочевники массами останавливались во время Уильской ярмарки, и теперь положение кочевников оказалось прямо безвыходным: чтобы пройти дальше на северные летовки, им приходится делать за дневной переход — «кош» — до 40 верст [обычный «кош» = 15 верстам], останавливаться верст за 10 от воды, подвозя ее в турсуках (мешки из кожи), стоять на месте всего только по несколько часов, так как оседлые гонят без церемоний прочь. «Мертвого и то не дадут похоронить, приходится с собой везти!» —жалуются кочевники.

В разговоре с Казбецкими аксакалами мы поинтересовались, зачем они сдали Джикенды русским.

Ответ был довольно откровенный: «Сдали из-за выгоды: получили 500 рублей на общественные надобности. А от кочевников какая польза? От них один вред: хлеб и сенокосы травят, скот воруют». И так везде, всегда и во всем.

Только впоследствии, когда арендованные земли в виде общего правила оказываются изъятыми в качестве несомненных «излишков» для местного населения под переселенческие участки, оседлые убеждаются в существовании и оборотной стороны медали, но уже поздно.

В общем за последние 15—20 лет дело сложилось так неблагоприятно для кочевников, что они, не встречая ниоткуда поддержки, должны были шаг за шагом отступать перед дружным натиском оседлых. «Оседлые выгнали нас сначала из речек в овраги, потом из оврагов — в лощины, а оттуда—прямо на вершины гор!»— резюмирует этот последовательный процесс борьбы один из адайских аксакалов.

Новые межобластные съезды работавшие сплошь и рядом совершенно неправильно под давлением пристрастной к оседлым администрации, не достигали цели, не удовлетворяя ни оседлых киргизов, которые желали бы совсем и навсегда отделаться от летних непрошенных и беспокойных гостей — кочевников, близко не допуская их к себе, ни самих кочевников, которые никак не могут добиться восстановления полностью списков общих летовок по постановлениям первых межобластных съездов.

Столкновения, ссоры, драки, даже убийства —довольно заурядное, обыденное явление во взаимных отношениях кочевников и оседлых на почве обоюдного непонимания и озлобления.

Каждую стоянку, каждую переправу или водопой кочевникам приходится брать с боем, когда они сильнее, или путем униженных просьб, угощений и подарков местным киргизским властям и старикам-заправилам*. Чем севернее летовка, тем меньше доходит туда кочевников, и тем с большей настоятельностью приходится им держаться принципа: «тише воды, ниже травы».

---

* «Платим за землю в три места: русскому царю — подати, летом оседлым за летовки, а зимой хивинскому хану за пастбища, когда стоим по Аму-Дарье, около Кунграда. Платим за землю больше всех, потому что меньше всех ею обеспечены», — говорит аксакал кочующей Кошкаратинской волости, Темирск. у. «Как только перейдем за р. Эмбу, так начинаем чувствовать себя, как в неприятельской стране», —горюют адайцы, «Везде за нами наблюдают посты и дозоры, отовсюду гонят, нигде нам не рады, везде мы лишние». Вот тебе и «безграничный простор!».

Влияние меркантильного, узко материалистического духа времени сказывается здесь с замечательной рельефностью. Кочевники должны «откупаться» от оседлых во время пути до летовок и обратно, а на летовке они могут стоять спокойно и беспрепятственно только в том случае, если сумеют завязать с местными жителями какие-либо постоянные, выгодные для северян отношения. Приходится отдавать своих дочерей замуж за сыновей оседлых, назначая самый скромный «калым» (плата за невесту *), давать оседлым деньги взаймы для торговли, кошмы (войлок) на подержание, лошадей напрокат, овец и коров для шерсти и молока и, наконец, быков для работы. Последний тип сделки особенно интересен: за работу пары быков в течение лета оседлый дает кочевнику известную площадь засеянного своими семенами проса. Кочевник убирает это просо сам, прикупает еще муки и, навьючив верблюдов, отправляется на юг зимовать **.

И вообще, надо сказать, хозяйственно-экономические соображения играют весьма важную роль в числе причин, заставляющих кочевников добиваться для себя доступа на север. Богатые

---

* Для небогатых киргизов «калым» вещь разорительная.

** Этот обратный путь осенью начинается около 15 сентября, т. е. когда начинаются уже холода. «А как вы везете детей? Ведь им холодно?»— спросили однажды мы у кочевника. «Очень просто», — добродушно отвечал сын степи. «Завертываем в кошмы, навьючиваем на верблюда и везем: который умрет, дорогой бросаем, а который не умрет, тот нам останется!» (Ульгоныи тастаймыз, ульмегены бэгэ калады!).

идут туда для того, чтобы на хороших северных ковыльных степях нагулять скот и продать его на более выгодных условиях. Средние и бедные — идут просто на работу, чтобы так или иначе добыть хлеба и денег: путем ли отдачи в аренду [маин] быков или же в форме непосредственного личного заработка. Все кочевники заинтересованы в более дешевом приобретении на севере, помимо хлеба, и остальных предметов первой необходимости: чаю, сахару, посуды, одежды, кибиточных решеток, сбруи и проч.

«Базар» и «Ярмарка», благодаря изменившимся условиям и потребностям жизни, настолько глубоко въелись даже в хозяйство чистых кочевников и настолько прочно связали его с капиталистическим мировым рынком, что порвать эту связь уже совершенно немыслимо.

Поэтому, хотя кочевники, сплошь и рядом, в объяснение своего кочевания на север все еще ссылаются на прежний прадедовский обычай, но фактическое содержание современного кочевания и в хозяйственно-экономическом смысле представляет уже значительную и существенную разницу против того, что было прежде.

Начиная за последние годы, под давлением все увеличивающейся трудности продолжать кочевание, мечтать об оседлой жизни, передовые кочевники совсем не имеют в виду жить у себя в южных пустынях * , что обозначало бы для

---

* Вопрос о возможности для кочевников жить у себя на юге круглый год, без кочевания на север, в виду отсутствия каких бы то ни было научных исследований на месте, пока остается открытым, но кочевники все в один голос решают его отрицательно: корма плохие, летом воды нет, жара, насекомые и проч.

них серьезный шаг назад в культурном отношении, а хотят устроиться так же, как оседлые, т. е. иметь возможность, помимо скотоводства, заниматься земледелием и всякими заработками и промыслами, столь распространенными в северных оседлых волостях, являющихся в степи передовыми, как в отношении большей устойчивости и рациональности хозяйства, так и со стороны сознательности и предприимчивости населения.

Такое стремление к оседанию на севере у значительной части кочевников теперь уже неоспоримый факт, но ему препятствует отсутствие достаточного количества необходимых для того пахотных и сенокосных угодий. Все, что было наиболее ценного в этом отношении, а именно: долины рек и речек, сплошь захвачено оседлыми. Этого мало. Захватывая самые лучшие части пока еще сохранившихся общих летовок, оседлые весьма неохотно позволяют кочевникам делать то же самое, а чаще совсем не позволяют. Только сравнительно немногим кочевникам удается устроиться этим путем или путем перечисления, по увольнительным и приемным приговорам, из кочевых волостей в оседлые.

Большинство же обедневших кочевников, этих щеп от разбиваемого волнами исторических условий кочевого корабля, не имея возможности ни кочевать, ни приписаться к оседлым, перебиваются среди населения северных волостей в качестве бесправных «гостей» (кунак). Эти гости —кунаки—живут около оседлых «из милости». Пахать землю или косить сено самостоятельно они не могут; им даже и в аренду никто не сдает ни пашен, ни сенокосов. Хлеб и сено они принуждены добывать посредством сотрудничества с отдельными хозяевами из местных жителей:

пахоя — с упрягой, сенокос — из части вместе накошенного и убранного сена. «Пока угождаешь всем, жить можно», — определяют кунаки основную черту своего положения. Их единственная и заветная мечта в большинстве случаев — это возможность получать свой земельный надел, где бы можно было вести оседлое хозяйство, не завися ни от произвола, ни от великодушия других.

Но, увы! Правительственная временная партия, отводящая миллионы киргизских «излишних земель» под переселенческие участки, до сих пор не устроили в земельном отношении ни одного из бьющихся в многоземельной степи, как рыба об лед, многочисленных беземельных туземцев.

VII

Единственным настоящим законом, определяющим степные земельные отношения, является «Степное положение 1891 г.».

Статья 119 этого закона гласит:

«Земли, занимаемые кочевьями и все принадлежности с их земель, а в том числе и леса, признаются (sic!) государственой собственностью».

Мы уже говорили, что спорить против редакции этой статьи и поздно, и бесполезно, так как суть дела, под которой мы подразумеваем конкретные земельные нужды живых, конкретных киргизов, от этого нисколько не изменяется.

Нет необходимости возражать по существу и против текста следующей 120 ст. положения:

Земли, занимаемые кочевьями, оставляются в бессрочном общественном пользовании кочевников на основании обычаев и правил сего положения.

Здесь, может быть, не лишнее будет заметить только, что в настоящее время, как мы уже видели, далеко не все киргизы — «кочевники» и не все киргизские земли заняты «кочевьями».

Зато в высшей степени важным во всех отношениях является правильное понимание точного смысла примечания 1-го, помещенного под этой статьей:

«Земли, могущие оказаться излишними для кочевников, поступают в ведение министерства Государственных имуществ».

На этом примечании построено все сложное здание степной колонизации, на нем и ее закон, и ее пророки висят.

Поэтому, если в понимание этого коротенького примечания вкралась какая-либо серьезная, коренная ошибка, вся колонизационная политика правительства в степи может оказаться лишенной всякого юридического основания, всякого фундамента, и потому должна будет рухнуть, как евангельский дом, построенный на песке.

Первое официальное издание Степного положения было сделано земским отделом, м. в. д. в 1891 г. в самый год издания закона, и там, в пособие к пониманию истинного смысла 1 примеч. к ст. 120, помещено следующее разъяснение Государственного Совета:

В основание постановлений, определяющих поземельное устройство кочевого населения степных областей (ст. 119—130), положено то общее начало, что все земли, занимаемые кочевьями, признаются государственной собственностью и предоставляются кочевникам лишь в бессрочное общественное пользование, причем могущий оказаться для них излишек поступает в ведение министерства государственных имуществ (прим. 1 к ст. 120). Этим путем ограждаются в будущем

[sic!] права государства на всю обширную территорию степных областей, без стеснения в то же время кочующих инородцев.

«При суждениях по сему предмету в Государственном Совете возник вопрос, не следует ли, подчинив все дело поземельного устройства кочевого населения органам министерства государственных имуществ, определить ближе то количество земли, которое имеет быть в настоящее время уступлено в пользование кочевников, сообразно их действительным потребностям и тем самым выяснить излишек, который должен поступить в распоряжение министерства государственных имуществ.

«Находя это предложение в существе вполне основательным *, Государственный Совет усмотрел, однако, что к приведению его в исполнение встречаются в настоящее время почти непреодолимые затруднения. При неопределенности характера передвижения кочевых инородцев, переходящих не только из пределов одной области в другую, но и выкочевывающих иногда даже и за границы русских владений, и при неточной еще до сих пор (!) известности самого пространства степных областей, в которых до сего времени не приступлено к межевым работам, включение в закон каких-либо точно определенных указаний отвода для кочевья туземцев земельных угодий представляется невозможным.

«Признавая за сим бесспорным, что надзор за поземельным устройством кочевников должен принадлежать министерству государственных имуществ, Государственный Совет заметил, что надзор этот не может в настоящее время осуществиться за отсутствием в степном крае необ-

---

* Курсив везде наш.

ходимых для того органов названного министерства. Поэтому лишь в будущем, с учреждением означенных органов, по мере развития их деятельности, и с завершением в областях межевого дела, получатся те материалы, на основании которых можно будет приступить к окончательному разрешению возбужденных вопросов.

В настоящее же время, по необходимости, приходится ограничиться теми общими определениями поземельных прав казны и киргизов, которые изложены в ст. 119 и 120 положения».

Так понимало эти две основных статьи закона создавшее его законодательное учреждение. Следовательно, практика правительственных учреждений, применяющих к жизни степное положение, никаких отступлений от этого понимания делать не могла и не имела права.

Попробуем же исчерпать в высшей степени ценное содержание только что приведенного нами разъяснения Государственного Совета.

Прежде всего здесь признается бесспорным, что надзор за поземельным устройством киргизов должен принадлежать специальным органам бывшего министерства государственных имуществ, а ныне — главного управления землеустройства и земледелия.

В действительности ничего подобного нет и даже не предполагается. Сейчас, как и 16 лет тому назад, все сложное, требующее специальных сил и средств дело урегулирования степных земельных отношений находится в руках ультрабюрократических органов министерства внутренних дел, совершенно беспомощных в своем всемогуществе. А органы землеустроительного ведомства в виде временных партий по образованию переселенческих участков из киргизских излишних земель не только не обязаны, но даже

и не имеют права, хотя бы попутно, заниматься какими бы то ни было работами землеустроительного характера: прямая цель этих партий — «изъятие излишков», а как живет местное коренное безземельное и малоземельное население, в чем оно нуждается и чем помочь ему, — это не их дело!

Но что всего интереснее, так это то, что в правящих сферах за последние три года наблюдается тенденция не в том направлении, чтобы заменить временные землеотводные партии в степи постоянными землеустроительными учреждениями, как это было предуказано Государственным Советом,— и как раз в обратном, именно, в направлении усиления землеотводного дела при полном игнорировании интересов и земельных нужд местного населения! По крайней мере, не далее, как зимой 1903—1904 гг., при Плеве, в Петербурге рассматривался вопрос о передаче всего дела по образованию переселенческих участков в степи целиком в руки министерства внутренних дел. Цель — согласование колонизационной политики с видами и намерениями правительства вообще и в частности устранение разногласий между землеотводными партиями, заинтересованными по долгу службы в скорейшем отобрании у киргизов возможно большего количества земель, и представителями местной администрации, старавшимися во многих случаях, так или иначе, отстаивать интересы самих киргизов *. «Устранение разногласий», «объединение всего дела в руках одного ведомства» может при таких условиях обозначать только большую возможность не обращать внимания на протесты

* См. характерный «вывод» г. Кауфмана: «Переселение и колониз.», стр. 233—234.

обиженного отобранием земель местного населения, так как жалобы тогда придется рассматривать тем же учреждениям, которые эти жалобы вызывают. Такое положение вещей имело, конечно, в виду и совещание о мерах к укреплению крестьянского землевладения, когда оно, платонически признав «необходимость ускорения поземельного устройства кочевого населения» 3 июня 1905 г., практически высказывалось за «подчинение переселения ближайшему руководству правительственной власти». И такой порядок, в скрытом виде, действительно осуществлен за последнее время после того, как степные землеотводные партии были перечислены в ведомство главного переселенческого управления, которое, для видимости, в свою очередь предварительно было отчислено от министерства внутренних дел и наскоро приткнуто к главному управлению землеустройства: теперь больших разногласий и между ведомствами на местах ожидать нельзя, хотя киргизы именно теперь сильнее, дружнее и сознательнее, чем когда бы то ни было, протестуют против продолжения землеотводных работ из их земель *.

Наиболее основательную поддержку этот протест киргизов встретил в постановлении Темирского (Ур. обл.) уездного съезда крестьянских начальников от 20 августа 1905 года, где дана определенная мотировка в том смысле, что органы администрации, не располагая никакими объективными данными, материалами и средствами, не в состоянии хоть сколько-нибудь сносно справиться со сложной и трудной задачей урегулирования землепользования и уравнения земельного обеспечения киргизского населения: эта задача

* Об этом подробнее в гл. XIV—XVI.

под силу только основательно и продуманно организованным специальным устроительным учреждениям, причем существующие временные партии съезд признает совершенно неудовлетворительными принципиально, так как исключительной своей задачей эти партии ставят землеотводные, а не землеустроительные цели.

Против разумности и справедливости такого взгляда спорить не приходится, а он является лишь развитием бесспорного тезиса Государственного Совета о необходимости подчинить надзор за киргизскими земельными отношениями специальным органам землеустроительного характера, тезиса, не только полностью забытого, но и коренным образом извращенного в современной степной колонизационной политике правительства.

Затем Государственный Совет, употребляя выражения «до сего времени не приступлено к межевым работам» и «при неточной еще до сих пор известности самого пространства степных областей», очевидно, не менее бесспорным считал и вопрос относительно необходимости произвести размежевание всей степи.

По первой статье межевых законов межевание имеет две основных цели: 1) «привести в известность количество земель и угодий, как всех вообще, так и в частности казне принадлежащих, и 2) утвердить спокойствие владельцев постановлением правильных и несомненных границ поземельного владения».

Приведены ли в известность земли киргизской степи? Знают ли о количестве земель и угодий в степи те учреждения, в чьих руках находится до сих пор весь «надзор за поземельным устройством кочевого населения!».

Мы едва ли кого удивим, если скажем, что на эти вопросы пока может быть дан только категорически отрицательный ответ.

Чтобы судить о характере и достоверности имеющихся в распоряжении областной администрации сведений по земельному вопросу, мы приведем следующий факт. Уральское областное правление нанесло на карту границы волостей и вычислило количество земли на единицу у населения по каждой из них. Таким образом, по Samматаевской волости, Темирского уезда, было установлено, что на квадратную версту там приходится 0,5 души населения. Между тем, по строго проверенному опросу киргизов нескольких волостей, автору удалось установить, что Самматаевская волость совсем не примыкает к Аральскому морю, вопреки показаниям официальной карты, и лежит не восточнее, а западнее соседней Донгузтау-аккулькинской волости!

Административные участки крестьянских начальников были распределены по карте и только теперь открылось, что в натуре получилась чересполосица: Самматаевская волость 3-го участка, а лежит среди волостей 4-го уч., а Донгузтау-аккулькинская, наоборот, среди земель чужого, 3-го участка.

3 адаевских волости Темирского уезда числятся совсем «не имеющими наделов», хотя живут точь в точь так же, как наделенные по карте номинальными наделами 3 кочевых табынских волости.

И вообще о формах землепользования, размерах используемых площадей и их растительной производительности для южных уездов и областей, числящихся за киргизами кочевниками, у администрации не имеется совершенно никаких сведений, а то, что есть, настолько фантастично

и туманно, что ни у кого не хватит смелости назвать такие сведения и данные «результатом приведения киргизских земель в известность».

С другой стороны, утверждено ли в степи спокойствие владельцев установлением правильных и несомненных границ поземельного владения?

Вопрос наивный после того, как мы уже выяснили, что, наоборот, при наличности повсеместных споров из-за границ пользования все, что ни делалось в степи до сих пор казенными учреждениями в направлении к якобы урегулированию земельных отношений туземного населения, вело как раз к усилению степной земельной неурядицы, поставившей отдельные группы киргизов в крайне печальное, почти безвыходное положение уже совсем не располагающее к спокойствию.

Но если количество и качество всех вообще земель в киргизской степи никому неизвестно, если спокойствие владельцев не утверждено, а, наоборот, нарушено, то каким же образом правительство нашло возможность использовать «земельные излишки» в степи для колонизации и других надобностей!

Принимая полностью 119 статью степн. положения, т. е. считая, что киргизские земли составляют государственную собственность, никто из нас, однако, не допустит мысли, что государство, как единственный собеседник и хозяин всей степи, может в одно прекрасное время прогнать всех киргизов с чужих для них земель. Напротив, из мотивов Государственного Совета ясно, что казна в данном случае является только совладельцем киргизов и что термин государственной собственности употреблен в тексте закона только для того, чтобы, отрицая за киргизами исключительное право на занимаемые ими

пространства степи, оградить права государства в будущем на излишние для местного населения земли.

А если это так, то рассматривая вопрос юридически, мы имеем дело с обычным типом общего владения двух лиц: одно лицо — это весь находящийся в русском подданстве киргизский народ, другое лицо — государство. Пока не произведена окончательная разверстка земельных прав и интересов этих двух совладельцев посредством правильного размежевания, очевидно, ни один из них не имеет права без согласия другого отчуждать ни одной пяди земли из общего владения: в разъяснение 126 ст. степного положения Государственный Совет так именно и говорит, что имеющиеся в степи земельные излишки могут поступить в распоряжение государства не прежде, чем будут удовлетворены земельные нужды всего местного населения.

Размежевания между казной и киргизами не сделано, киргизы лишены права отчуждать земли кому бы то ни было и даже в праве сдачи этих земель в аренду ограничены разными формальностями. Следовательно, и другой совладелец, государство, казна, не имеет никакого права селить на киргизских землях кого бы то ни было, кроме киргизов, до тех пор, пока оно не получит возможности, утвердив спокойствие местного населения путем равномерного и справедливого обеспечения его землею, привести точно в известность те земли, какие принадлежат к ее единственному владению.

Иначе говоря, в настоящее время, когда еще совсем даже и не начато ни межевание степи, ни поземельное устройство киргизов, всякие работы по использованию якобы «излишних» киргизских земель» лишены совершенно какого бы

то ни было юридического основания и потому являются сплошным беззаконием.

Что и требовалось доказать.

VIII

И однако же, за 14 лет существования временных партий по образованию переселенческих участков в степных областях, у киргизов фактически уже изъято около 3 с половиной миллионов «излишних земель».

Вероятно, многие будут серьезно удивлены, узнавши, что все землеотводное дело, вся колонизация степи не имеет в основе своей никакого другого настоящего, формального закона, кроме разобранного нами примечания к ст. 120, которое, как мы могли убедиться, требует совершенно противоположной псотановки дела, а именно, межевания и поземельного устройства степи, до колонизации, но никак не после нее!

Перед нами лежит изящно изданная книжечка в казенной зеленой обложке: в ней собраны все «узаконения и распоряжения», здесь ссылки не сделано. Это, конечно, странно.

Еще более странно то, что во всем сборнике нет ни одного узаконения, которое было бы посвящено принципиальному разъяснению вопроса о том, на каких основаниях должны определяться и идти в изъятие киргизские излишние земли, а есть только в одном месте глухое упоминание о том, что из казенных земель образуются переселенческие участки, между прочим, и в Омском и Петропавловском уездах, Акмолинской области, где, как известно, коренным населением являются киргизы.

Затем, все эти узаконения состоят из Высочайше утвержденных временных правил, из комм.

конечно, ни одно не прошло в законодательном порядке через Государственный Совет, а все были выработаны таким совсем уже не законодательным учреждением, как ныне упраздненный комитет Сибирской железной дороги!

Мы специально рылись во всех узаконениях, распоряжениях и циркулярах, касающихся степной колонизации, но мы нигде не нашли указания или хотя бы намека на то, что ст. 120 степного положения отменяется, изменяется или разъясняется по-новому, а не так, как она законодательно разъяснена самим Государственным Советом. Следовательно, выходит как будто и так, что все эти «узаконения и распоряжения», являющиеся во всем, что касается степи, прямым и грубым нарушением Степного положения, — нисколько ему не противоречат и основаны как раз, именно, на понимании и истинного духа и смысла его земельных статей!

Надо быть типичным русским чиновником, живущим в затхлой атмосфере канцелярского формализма, общего бесправия и произвола, чтобы 14 лет подряд, изо дня в день систематически действовать вопреки прямому смыслу закона и в то же время думать, что исполняешь его самым точнейшим способом...

Около года тому назад один из ответственных местных деятелей по колонизации степи передавал нам под большим секретом, что представляя зимою 1903—1904 гг. штаты чиновников и кредиты для вновь открывшихся работ по образованию переселенческих участков в Уральской области на рассмотрение Государственного Совета, в виду упразднения Комитета Сиб. железн. дороги, до тех пор ведавшего делами подобного рода, — главные заправилы действующей в степи системы землеотводных работ весьма сильно опасались,

как бы, при обсуждении данного частного вопроса, в Совете попутно не заговорили о том, на каком основании вообще отбираются киргизские «излишние земли», раз не соблюдены необходимые для того предварительные условия: межевание степи и поземельное устройство всех туземцев! Одна постановка такого вопроса приводила будто бы столпов колонизации степи в ужас, так как к тому времени они уже сами сознавали, что юридического основания у этой колонизации и не было, и нет.

Все это очень похоже на правду.

Дело в том, что настоящей цельной и планомерной системы в работах по образованию переселенческих участков в степных областях никогда не существовало. Все, что делалось, делалось наспех, на скорую руку, клочками, урывками, в одном месте так, в другом иначе, а в третьем и совсем ни с чем не сообразно.

Временные партии для разных районов степи учреждались постепенно: для северных уездов Акмолинской области в 1863 г., для южных 1896.; для Тургайской области — 1898 г., для Семипалатинской — 1900 г., для Уральской в 1904 г. и для Семиреченской — в 1905 г.

Каждая партия организовалась второпях, на ходу, из разнородных и часто совершенно не пригодных к делу элементов. На ходу же вырабатывались и всякие «инструкции», так как, кроме оклада содержания, никто из состава партии на первых порах не знал ничего определенного относительно своей предстоящей деятельности. Рассчитывать на более или менее ясные и определенные указания из Петербурга, от центральных учреждений, также не приходилось: центральные учреждения сами имели весьма туманное и нередко наивное представление о характере, ус-

нения и задачи работ в киргизской степи. Но для всех был ясен и обязателен основной девиз: подешевле, поскорее и побольше участков.

Неудивительно поэтому, если в такой суматохе, где каждый спешил, хлопотал и волновался только по поводу своей, частной задачи, общий вопрос о том, при каких условиях изъятие киргизских излишних земель под переселенческие участки может быть признано законным и справедливым, был оставлен без рассмотрения, забыт или обойден.

Тем более, что у каждого перед глазами был прецедент в виде работ предыдущих лет или ранее открытых партий: у всякого было сознание, что он не «первый портной» и потому особенно много мудрствовать не обязан.

Что касается до «первого портного», то его в деле законодательства по степной колонизации, кажется, совсем не было: все вышло случайно и без ранее обдуманного намерения совершить беззаконие.

Насколько мы себе представляем, дело было так. Проведение Сибирской железной дороги, совпавшее по времени как раз с установлением в правящих сферах более благожелательного взгляда на переселения вообще, выдвинуло само собою вопрос о колонизации той громадной по протяжению полосы земли, которая прилегает к новому пути с обеих сторон. А так как путь этот перерезал Петропавловский и Омский уезды, Акмолинской области, то вполне естественно, что эти уезды и попали в перечень тех местностей, где по временным правилам 13 июня 1893 г., должны были открыться в первую очередь работы «временных партий по образованию переселенческих участков в районе Сибирской железной дороги

«Бойкие, дельные и расторопные» секретари и столоначальники, вырабатывая «весьма срочно и экстренно» проект этих временных правил, очевидно, удовольствовались одним текстом ст. 119 и 120 с I примечанием к ней, не имея ни надобности, ни времени для того, чтобы вникнуть в смысл напечатанных ниже мелким шрифтом законодательных разъяснений Государственного Совета, и дело было сделано: киргизские земли названных двух уездов «пошли в изъятие» на тех же основаниях, как и казенные в четырех Сибирских губерниях: Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской!

Это был простой недосмотр, но раз он попал в «Высочайше утвержденные правила», с ним в дальнейшем стали считаться как с законом, оправдывавшим все позднейшие колонизационные мероприятия правительства в других степных уездах и областях, не смотря на то, что эти мероприятия шли целиком в разрез с теми законодательными предначертаниями, какие были даны Государственным Советом в его мотивах к земельным статьям Степного положения. Впоследствии это могло быть замечено, но было уже поздно: пришлось сознательно продолжать беззаконие там, где оно было вначале допущено по недоразумению.

Иного, более простого и естественного объяснения всей этой печальной истории мы не смогли бы найти. Но как бы ни возмущала нас возможность подобных явлений, когда судьба огромного края с несколькими миллионами населения решается в зависимости от случайного канцелярского недосмотра, мы должны сказать, что вина бюрократии в данном случае ослабляется до минимума, так как , начиная с 1896 г., в видах более правильной и научной постановки

землеотводного дела в киргизской степи, к нему были привлечены на правах ближайших участников и руководителей такие солидные и авторитетные люди, как Ф. А. Щербина и А. А. Кауфман, известные в широких кругах публики по своим научным и литературным трудам.

При ином, более осмотрительном и осторожном отношении к делу со стороны этих двух лиц, история степной колонизации без сомнения имела бы более целесообразный и разумный характер, не была бы, как теперь, сплошным недоразумением и беззаконием.

IX

Приступив, согласно «временным правилам 13 июня 1893 г.», к работам по образованию переселенческих участков из казенных земель Петропавловского и Омского уездов, Акмолинской области, Акмолинская временная партия на первых же порах столкнулась с весьма серьезными и существенными затруднениями. Главное из них — это вопрос, по какой норме делать расчет земли для наличного полукочевого туземного населения, так как принятая «правилами» для сибирских крестьян-старожилов 15-ти десятинная душевая норма здесь, очевидно, была неприменима, ввиду несомненных особенностей киргизской жизни!

Не найдя определенного ответа на этот вопрос, ни путем переписки с заинтересованными ведомствами, ни путем самостоятельных полунаучных изысканий, Департамент Государственных земельных имуществ, организовавший временные партии на деньги из фонда вспомогательных предприятий Сиб. ж. д., пришел к мысли о необходимости поставить дело определения норм

киргизского землепользования на серьезную научную почву. Для этого решено было произвести систематическое естественно-историческое и хозяйственно-статистическое исследование подлежащих колонизации районов степи под руководством опытного и авторитетного специалиста.

Выбор пал на знаменитого воронежского земского статиста Ф. А. Щербину, который, начав летом 1896 г. исследования Кокчетавского уезда, Акмолинской области, постепенно, в последующие 5 лет, распространил свои работы на области Акмолинскую, Семипалатинскую и северную часть Тургайской.

Издание материалов этого столь обширного и капитального исследования пока еще не закончено и потому окончательная оценка результатов его, в связи с весьма интересной и поучительной во многих отношениях общей историей степной колонизации, дело будущего. А пока мы в самых общих чертах отметим только то, что имеет непосредственное отношение к нашей теме.

Главная ошибка в работах г. Щербины та, что он совсем не обратил внимания на беззаконность начатых в степи еще до него землеотводных работ с юридической точки зрения. Разобранные нами выше законодательные мотивы и разъяснения Государственного Совета были им совершенно упущены из виду.

Вот почему, приступая к определению земельных излишков по Кокчетавскому уезду, он не только поставил требованием, чтобы предварительно не было сделано посредством межевания точное приведение в известность всех земель и утверждено спокойствие владельцев в лице отдельных, обособленных киргизских общин, — но даже нашел возможным обойтись для первого раза совсем без всяких межевых — техничесних

работ, без всяких мало-мальски приличных плановых материалов!

Не будучи сам хоть сколько-нибудь компетентным в межевом деле и не имея в числе своих сотрудников ни одного специалиста-землемера, он удовольствовался тем, что нанес на 10-верстную карту, не выезжая в поле, словесные показания киргизов о границах их пользования, и полученные таким путем ни с чем не сообразные, фиктивные площади принял за «площади киргизского землепользования». Эти «площади» были определены настолько точно и верно, что там, где, по данным Щербины числилось 25000 дес., в натуре оказывалось иной раз всего только 6000 дес. и обратно! *

И вот, после такого фантастического «приведения в известность земель» Кокчетавского уезда, г. Щербина нисколько не затруднился определить для него «нормы киргизского землепользования» и составить «расписание излишних земель» по отдельным районам.

А что всего удивительнее и невероятнее, так это то, что нормы землепользования для других уездов Акмолинской, Семипалатинской и Тургайской областей выводились не самостоятельно, а больше по аналогии с Кокчетавскими.** Ревизор, а с 1903 г. и преемник Щербины, А. А. Кауфман (ныне видный кадет) весной 1905 г. на одном из официальных совещаний рекомендовал и для Уральской области применить аналогию с норма-

---

* Официально установленный факт, приведенный в книге: «Очерк работ по заготовлению пересел. уч.», стр. 257.

** Отчет ревизора землеустройства Смирнова за 1901 г.

ми Щербины по ближайшему Актюбинскому уезду, Тургайской области.

Нечего, конечно, говорить о том, что определенные таким способом нормы киргизского землепользования оказались ниже критики не только в научном *, но и в чисто практическом отношении, не возбуждая к себе ни с чьей стороны особенного доверия. Тем не менее, это не помешало г. Кауфману организовать землеотводное дело в степи на более или менее широких началах. Больше того, даже и теперь, когда грубая ненаучность и полное легкомыслие приемов Щербины уже достаточно выяснились для лиц, близко стоящих к делу, г. Кауфман все еще не стесняется и в большой печати прикрываться работами Щербины, как щитом, против тех, кто не глядит на колонизацию степи с точки зрения: «хватай — лови!».

Выработанные нормы землепользования г. Щербина представил на утверждение не в Государственный Совет, как это, без сомнения, следовало бы сделать при нормальной постановке дела, а степному генерал-губернатору, который, не доверяя основательности работы, разрешил брать под переселенческие участки только не более 1/3 определенных по «расписаниям» Щербины «земельных излишков».

Под тем же условием были разрешены к изъятию «излишки» и по некоторым другим уездам степного генерал-губернаторства: Атбасарскому,

* Полная ненаучность приемов Щербины при установлении нормы киргизского землепользования были указаны нами в докладе Омск. Геогр. О-ву, 13 декабря 1902 г.

См. «Сибирск. Жизнь», 1902 г., 13 декабря №№271—272.

Акмолинскому и другим исследованным непосредственно после Кокчетавского.

Такое ограничение показалось г. Кауфману, большому стороннику всяких скоропалительных способов и приемов в землеотводном деле, весьма стеснительным и неудобным.

И вот 5 марта 1901 г. появляется циркуляр о том, чтобы киргизам, сверх определенной Щербиною нормы землепользования, оставлялось не 2 / 3 излишних земель, а только 25 % той площади, какая причитается им по норме * .

С какой поразительной легкостью мысли и пера создаются подобные циркуляры, имеющие, однако, для временных партий и миллионов степного населения значение непреложных законов, можно судить по следующему примеру, заимствуемому нами из официального отчета г. Кауфмана.

Приехав летом 1903 г., по поручению начальства, в Уральскую область для определения ее колонизационной пригодности, г. Кауфман мог только мельком, мимоходом заглянуть в ее лучший северный район, так как ему в то же лето предстояла более серьезная поездка в Туркестан для аналогичной цели. Однако это не помешало ему сделать даже «цифровой расчет» тех «земельных излишков», какие можно было бы ожидать для надобностей колонизации в этой лучшей части Уральской области.

Применив здесь нормы соседних районов Актюбинского уезда, г. Кауфман нашел, что размер этих излишков равен приблизительно 720000 дес. Цифра довольно солидная, из-за которой, безусловно, стоило бы начать землеотводные работы. Но... тут г. Кауфман вспомнил, что по его же

* «Сборник узак. и распор.», стр. 91.

циркуляру 5 марта 1901 г. он обязан оставить киргизам еще 25 % земли сверх нормы, а эти 25 % по северному району Уральской обл. составляют, по его расчету, как раз 708000 дес., следовательно, «излишних» остается только 12000!

Тогда, вместо того, чтобы совсем вычеркнуть свои ни на чем не основанные расчеты и не подавать своим подчиненным скверного примера столь легкомысленного отношения к таким серьезным вопросам, наш законодатель, ничтоже сумняшеся, посвящает целых две страницы своего отчета [25—27] доказательству, что оставление киргизам 25 % сверх нормы ни на чем не основано и что им, черномазым, будет за глаза достаточно оставить только 10 % сверх нормы! От такого совершенно произвольного, ничем не обоснованного решения вопроса о циркуляре 5 марта 1901 г., по глубокомысленному заключению законодателя — самоцета, «зависит, можно сказать все будущность русской колонизации наиболее для того пригодных местностей степного края(!)» *.

Так пишутся циркуляры.

И все они, собранные в казенной зеленой книжечке, изданы по одному способу, имеют такую же цену и насквозь пропитаны циничным принципом старого режима: «закон—дышло».

Само собою разумеется, что от «системы работ», организованной на основании подобного рода бюрократических письменных упражнений на законодательные темы, было бы нелепо ожидать сколько-нибудь внимательного и серьезного отношения к земельным нуждам коренного

* «К вопросу о колонизации Уральск. области», стр. 24—27.

населения степи, как мы видели, крайне неравномерно обеспеченного землею.

Наоборот, при землеотводных работах всегда строго соблюдалось правило: если волость или аул безземельный или малоземельный, на него не следует обращать внимания, как бы плохо его населению ни приходилось; зато в многоземельных волостях и аулах надо отыскивать и по возможности полностью использовать всякие «земельные излишки». Этим правилом мы обязаны, по-видимому, тому же г. Кауфману. По крайней мере, на упомянутом выше совещании в марте 1905 г. им была проведена такого рода директива для работ по дальнейшему исследованию степи: «исследованию должны подвергаться не сплошь целые уезды, а тем более не области, а лишь те местности, где имеется в виду образовать переселенческие участки, и то группы киргизского населения, которые могут оказаться заинтересованными в предвидимых изъятиях »*.

Более резкого отрицания принципа общности и связанности земельного владения для огромных районов степи, правильнее для всей степи, и более капитального непонимания духа и смысла земельных статей степного положения — трудно придумать, а ведь Кауфман — единственный официальный пророк казенной колонизации степи.

X

Таким образом, существующая система землеотводного дела в киргизской степи нисколько

* См. также «К вопросу о колон. Ур. обл.», стр. 61—62.

-не обязана вникать в земельные нужды и хозяйственные интересы самого местного населения. Отнимая у киргизов лучшие куски земель, она взамен того не приносит им самим ровным счетом никакой пользы, а на неустроенных и бездомных кочевников, не знающих, как быть дальше, куда деваться, она смотрит только как на неприятное препятствие успешному ходу работ, т. е. образованию возможно большего количества участков в возможно меньший срок!

Главный недостаток, точнее коренная ошибка этой системы — это полное игнорирование того неоспоримого факта, что настоящим владельцем и распорядителем киргизской земли являются, по доверию государства, не отдельные аулы, волости или уезды, а весь киргизский народ, взятый в целом, а главная несправедливость этой системы в том, что, отбирая землю у тех, у кого ее действительно много, она самым вопиющим образом игнорирует тяжелое, критическое положение тех, у кого земли недостаточно или совсем нет.

На этой-то почве и получаются возмутительные вещи. По данным совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, обработанных для степи тем же г. Кауфманом *, на Иртыше и в Алтайском горном округе живет арендой чужих земель 92000 безземельных киргизов, и в то же время земли ближайших степных уездов отводятся «за излишеством» под переселенческие участки.

С другой стороны, работы временных партий еще более ухудшают положение и без того стесненных кочевников. Опрашивая границы

* Но уже не как чиновником, а как «литератором», знатоком окраинных вопросов.

землепользования и отделяя общие летовки от обособленных пастбищ и угодий оседлых киргизов, статистики и землемеры не справляются ни с документами, устанавливающими летовочные места общего пользования, ни с показаниями заинтересованных здесь всего более кочевников. Благодаря этому, оседлые киргизы, в своих показаниях стараются захватить, записать за собой, как можно больше земли из соседних летовок и тем самым сверх всякой меры увеличивают площадь своего землепользования. Вследствие этого у них получаются огромные излишки, а кочевники оказываются окончательно обездоленными, утратившими значительные площади свободных летовок, которые потом, как «излишки» отводятся под переселенческие участки. * .

Но и вообще, землеотводная техника обставлена такими условиями, которые не дают ровно никаких гарантий защиты интересов местного населения. Оно вполне беззащитно и знает только одно, что, сколько ни протестуй, сколько ни волнуйся, в конце концов все будет сделано именно так, как хотят «инженеры», т. е. чиновники временных партий.

Действительно, когда составляется первоначальный проект «изъятия» из излишних земель какой-либо одной обособленной общины, он по правилу должен предъявляться ее аксакалам или доверенным, которые при этом могут делать свои возражения и предлагать те или иные изменения.

---

* По словам производителя работ Тургайской партии г. Шкунова, в 1905 г. один аул Актюбинского у. сознался, что он захватил из летовок 6000 дес., а другой целых 14000! Показание было проверено по документам 1882 г. В обоих аулах запроектированы участки.

Следовательно, здесь борются между собою две стороны: «производитель работ», человек не всегда образованный, но все же грамотный и знающий разные циркуляры и временные правила,— с одной стороны, и невежественные, наивные киргизы, питающие какое-то особое, мистическое уважение ко всякого рода «бумагам», ко всякого рода «начальству» —с другой. В результате «добровольное соглашение», вынужденное иногда шантажной угрозой, в случае несогласия киргизов, взять у них гораздо больше земли, чем значится в предъявленном им во всех отношениях выгодном и безобидном «для местного населения» проект изъятия.

Затем этот проект рассматривается во временной комиссии, куда киргизы могут обращаться, в случае недовольства их, со своими жалобами и протестами. По поводу этих протестов в комиссии, хотя и не всегда, может возникнуть борьба также между двумя сторонами: с одной — производитель работ и заведующий временной партией (председатель комиссии), заинтересованные единственно в количестве изъятий и вооруженные целыми ворохами, не всегда и им самим понятных цифр и «соображений», а с другой —чиновники: уездный и крестьянский начальники и податной инспектор, хотя и обязанные отстаивать и защищать интересы киргизов, но совершенно лишенные для такой защиты какого-либо действительно пригодного оружия. Верх, конечно, в виде общего правила оказывается на стороне землеотводчиков.

Высшая инстанция для обжалования принятых временной комиссией участков — областное управление, где опять та же обстановка и то же соотношение сил. При этом не надо упускать из виду, что история степной колонизации знает не-

сколько случаев, когда не только мелкие уездные чиновники, но и губернаторы получали свыше «крупные неприятности» за противодействие или недостаточное содействие землеотводным работам *.

Но помимо этих случайных, эпизодических неприятностей, вообще роль и положение местной киргизской администрации в деле образования переселенческих участков в высшей степени странны, ненормальны и неестественны. Не имея никаких данных, никаких специальных средств и познаний, она должна заниматься совершенно непосильным и не свойственным ей делом надзора за киргизским поземельным устройством, разрешать поземельные споры, устанавливать распределение тех или иных угодий между общинами и даже отдельными хозяевами, назначать кочующим летовки, кочевые пути, водопои и переправы, разрешать или не разрешать сдачу киргизских земель в аренду, а главное — утверждать нормы киргизского землепользования и наблюдать за тем, чтобы, при изъятии «излишних земель» под переселенческие участки, лесные дачи и пр., не были нарушены интересы затрагиваемых этим изъятием групп населения!

А органы землеустроительного ведомства, вместо того, чтобы, согласно предначертанию Государственного Совета, взять в свои руки целиком это сложное и ответственное дело степного поземельного устройства, считают естественным и законным, не давая администрации тех широких и всеобъемлющих материалов, какие Государственный Совет имел в виду в своих разъяснениях, — бороться с нею на почве исключитель-

* Случаи с тургайским и уральским губернаторами, чиновниками Акмолинского уезда и пр.

но землеотводного дела и силопны признавать свои работы почти идеально совершенными в тех случаях, когда беспомощная и невежественная степная бюрократия оказывается не в состоянии сказать против этих работ чего-либо существенно важного.

В итоге эти органы, в лице временных партий, вместо поземельного устройства, занимаются исключительно поземельным расстройством степи, внося новую путаницу и в без того уже до крайности запутанные степные земельные отношения. Даже и тех единичных хозяев-киргизов, у которых зимовки и сенокосы отходят под участки, партии предпочитают «сбрасывать на руки» той же местной бюрократии, обязывая ее через посредство аульных обществ устраивать сдвинутых с места туземцев какими угодно способами. Это ведет к тому, что сотни таких киргизов по нескольку лет не могут найти себе нового пристанища взамен отобранного и живут как-то так вне пространства.

Так, по крайней мере, было в Кокчетавском уезде.

И в конце-концов, когда временные партии, исчерпавшие степной колонизационный фонд, прекратят свою деятельность, они своими материалами, особенно плановыми, нисколько не облегчат, а скорее затруднят работу будущих киргизских землеустроителей, которые во многих случаях сделают лучше всего, если прямо откажутся от таких «материалов», как от невыгодного и не совсем приличного наследства. Мы будем вполне беспристрастны, добавив, что только то, что делалось партиями вопреки «дерективам» г. Кауфмана и ему подобных «законодателей», может действительно пригодиться для целей поземельного устройства, а именно: произведен-

ные в некоторых уездах, сравнительно точные тригонометрические работы и сплошная съемка киргизских волостей.

А между тем, если бы 14 лет тому назад было начато настоящее, научно поставленное сплошное межевание и исследование всей степи, мы к данному моменту уже далеко бы подвинулись в исполнении той единственно справедливой и целесообразной программы, какая была намечена Государственным Советом для окончательного решения вопроса о действительных излишках киргизского землепользования, и переделывать все сделанное, как теперь, заново, израсходовав на ветер значительные средства, тогда бы не пришлось.

XI

Представление читателя о той роли, какую казенные учреждения играют в современном хаосе степных земельных отношений, было бы недостаточно полно, если бы мы оставили без рассмотрения практикуемый этими учреждениями порядок образования лесных дач единственного владения казны из тех же киргизских «излишних земель».

Принципиально вопрос о выделении лесных дач в двух уездах Акмолинской области—Омском и Петропавловском, как и в четырех сибирских губерниях, был решен мимоходом ст. 6, 24 и 25 «временных правил» 13 июня 1893 года.

Впоследствии, распространяя путем особых Высочайше учрежденных постановлений Комитета Сиб. ж. д., каждый раз на один год, землеотводные работы постепенно на остальные уезды северных степных областей, бывшее министерство земледелия и государственных земельных иму-

щести попутно зона и работы по выделу лесных дач в степи. Оно и понятно: раз только «излишние земли», худо ли, хорошо ли, были определены на основании выработанных Щербиною норм киргизского землепользования, министерство, согласно 1 примеч. к ст. 120 степного положения, считало себя в праве распоряжаться этими «излишками» по своему усмотрению, как для целей колонизации, так и для других государственных «надобностей».

Порядок образования лесных дач в степных областях был намечен циркулярами 19 мая 1898 г. (основной для всех вообще землеотводных работ в степи) и 22-го мая 1899 г. (специально лесной).

Последний циркуляр, как водится, рекомендовал в работах по выделению лесов, являющемуся «мерой, в высшей степени важною в интересах края», особую осторожность, иначе это может, с одной стороны, вредно отразиться на интересах зимующих среди лесов и по соседству с ними киргизов, а с другой — повести к сокращению той площади земель, которая могла бы быть предоставлена под водворение переселенцев *.

В видах достижения охраны интересов как местного населения, так и дела колонизации, предварительные проекты лесных дач должны были составляться лесничими при ближайшем участии чиновников временных партий, как единственных и надежных знатоков всех тайн эмпирического искусства нахождения, определения и использования «земельных излишков».

Работая в качестве межевого техника в областях Акмолинской, Семипалатинской и Тургай-

* Сборн. узак. и распоряж. о перес. участк., стр. 74—75.

свой, автор мог своими глазами видеть, как эти «хорошие» циркулярно-бумажные слова прилагаются к делу и насколько при этом действительно принимаются во внимание интересы местного населения.

У лесничих, как и у производителей работ временных партий, на практике всё дело сводилось к тому, чтобы не только удовлетворить, но и удивить, поразить начальство выдающейся, максимальной быстротой и успешностью своих работ, не придавая особенного значения их качеству, целесообразности и осмысленности. Вот почему производители работ «пекли, как блины», десятки переселенческих участков, на половину или даже на 3/4 оказывавшихся невыгодными для населения [1], а лесничие, в свою очередь, не желая отставать, наскоро «стряпали» лесные дачи, нередко из совершенно никуда и ни на что негодного материала, в виде несчастной, корявой березовой поросли, рассеянной отдельными куртинками на огромных пространствах и вполне заслуживающей свое название «заячьи объедки».

При таком состязании на резвость и скорость между землеотводчиками и лесоотводчиками киргизам приходилось вдвойне плохо: чего не взял производитель работ, то добирал лесничий. В результате многие общины попали в тиски между Сциллой преселенческого участка и Харибдой лесной дачи: чуть скотина перешла налево,—ссора и даже драка с переселенцами,—пошла направо, —протокол, штраф или взятка со стороны лесников и объездчиков! Но, конечно, предварительные протесты киргизов по поводу невозможнос-

[1] Картинки с натуры в этой области даны в «Записках Колонизатора», г. Соколова-Костромского.

ти жить при таких условиях, за самым редким исключением, оставлялись временными комиссиями «без последствий». В этом и выражалась «охрана интересов местного населения».

Однако, при всех своих несомненных недостатках, эта система положительно бледнеет перед теми «лесными порядками», на какие автор, как статистик, натолкнулся в 1904—1905 гг. в Уральской области, где землеотводные работы «по книжке циркуляров» только что начаты одновременно с открытием первой Государственной думы. Здесь, в уральской степи, лесное ведомство побило всякие рекорды бессмысленного, но систематически организованного притеснения и разорения киргизов, устроив под названием «лесных дач» целую сеть мышеловок и капканов для уловления киргизского скота и самих киргизов на каждом шагу и во всякое время.

На основании каких «узаконений и распоряжений» образованы эти лесные дачи нам установить не удалось, но самая «техника» этого дела имела удивительно упрощенный характер. Нисколько не справляясь с тем, есть ли у местного населения земельные излишки, или их совсем нет, и не произведя никаких «лесных, съемочных или отграничительных действий», единственный на всю область лесничий образовывал лесные дачи чаще всего способом, напоминающим известную фразу Ноздрева: «то, что по эту сторону леса — мое, а по ту сторону... это тоже мое!» Приедет, махнет рукой вдоль оврага, скажет своей свите из лесников и объездчиков: «Это наше!» — запишет название новой «дачи», и она готова, т. е. готовы постоянные предлоги для протоколов и обирания ближайших аулов, хотя в ином овраге нет никакого леса, кроме отдельных кустиков и мелкорослых деревьев, разбро-

свенных по пастбищной или сенокосной площади.

Еще более изумительно превращение в «лесные дачи» всех огромных площадей сыпучих песков в Темирском уезде, которые в тяжелые зимы служили населению довольно сносным пастбищем, а в обыкновенное время давали сравнительно много сена по котловинам и ложбинам.

О том, каково живется киргизам рядом с такими дачами, можно судить по следующему типичному приговору №4 аула Эмбо-Темирской волости:

1) «На (образованных из земель аула) дачах нет положительно такой лесной породы, из которой могли бы вырости годные строевые леса, а есть только кустарники, никуда, кроме топлива и огорожи, непригодная лесная поросль, заключающаяся в тальнике, осиннике и березнике, которые с незапамятных времен, несмотря на бдительную охрану, сначала нас самих, киргиз, а потом около 20 лет — лесничеством, ни в вышину, ни в толщину не прибавляются, кроме лишь того, что одни из них погибают, а другие вновь появляются, и едва ли приносят казне какую-либо пользу. А между тем, взятие их в лесничество и при них покосных мест так вредно отразилось на благосостоянии нашем, одними неправильно налагаемыми штрафами за эти кустарные растения и за покосы: уже есть киргизы, доведенные до разорения, отчего стала происходить недоимка казенных и общественных сборов».

2) «Главный вред, губительно отражающийся на благосостоянии нашем, еще от лесника, оказ... раулившающего эти дачи, киргиза Бупежанова, составляющего протоколы о порубках леса и допусках скота положительно всегда ложные и единственно на лиц, его не угощающих или же не давших ему просимых подарков и лошадей напрокат,

выставляя в протоколах этих свидетелями лиц, стоящих к нему близкими, через которые происки есть много пострадавших, невинно заплативших по приговорам мирового судьи от 50 и более 100 рублей взыскания. Другой вред лесника следующий: у него имеется свой скот и пасется в лесной даче, но о потраве оным он постановляет протоколы на других невинных в этом лице и с них производится взыскание. Есть еще такие случаи: сам же он, лесник, продает кому-либо за кошму, барана и тому подобное тайно лес или допустит к пастьбе скот за вознаграждение, но протоколы на это постановляет совершенно на других лиц, не поддавшихся его проискам.

3) «Всеми лучшими покосными местами, которые могли бы продовольствовать скот 20 и более кибитковладельцев, пользуется не казна, а один только лесник Булежанов, который травы эти отдает нам, киргизам, из половины, с доплатою к каждому стогу еще по 2 и более рублей, через что он в короткое время имевший раньше 1 лошадь, нажил и имеет сейчас: 30 рогатого скота, 10 верблюдов, 20 лошадей и 200 баранов. Кроме сего, в 1903 г., он кормил сеном до 50 лошадей, принадлежащих подрядчикам Ташкенской железной дороги, и получил за это около 1000 (!) рублей».

При статистическом опросе киргизы того же аула сделали характерное заявление: «Лесника мы боимся и почитаем больше чем губернатора или царя»!

В другом случае, киргизы № аула Калмак-кырганской волости, доведенные лесниками до крайности, просили записать такую просьбу: «Или выселите нас куда-нибудь подальше, или отдайте лес под нашу собственную охрану»!

«От хорошей жизни» такая просьба едва ли пришла бы им в голову.

Лесничий занят или собственным обширным хозяйством, на даровых «казенных» лугах и землях, — что дает ему возможность жить припеваючи, или направляет к мировому, а потом и ко взысканию сотни протоколов, составляемых шайкой сподручных ему «лесохранителей»: взыскания варьируют от 20 коп. до нескольких десятков рублей. На суде киргизы вполне беззащитны и потому, чтобы не платить вдвое-втрое, они чаще добровольно уплачивают штраф по составленной лесничим на основании протоколов «казенной расценке».

Общий доход казны от лесничества, расходующего ежегодно 4500—5000 рублей, равен 700 руб., в том числе и штрафы по 300 протоколов, но это, конечно, не дает ни малейшего понятия о тех колоссальных расходах и убытках, какие местное население терпит от лесных дач, благодаря разным темным, негласным «мировым сделкам» с лесной стражей по поводу «неполучивших дальнейшего движения протоколов», а также и в виде стоимости отобранных у него на десятки тысяч копен сенокоса и значительных площадей пастбищ. И все это творится десятками лет «на самом законном основании»!

Вполне понятно, что вообще по всей степи, где есть леса, при наличности подобных «лесных порядков», население с нетерпением ждет коренного пересмотра этого вопроса на новых, более разумных и справедливых началах. Сделать это можно будет лишь при сплошном поземельном устройстве, когда только и может быть решен вопрос: кому больше выгоды принесет данное лесное урочище, государству ли вообще с точки зрения лесоохранительной, или же бли-

жайшему населению с точки зрения хозяйственных удобств и расчетов. А пока немедленное упразднение всех Уральских лесных дач и им подобных — дело самой элементарной справедливости.

XII

Теперь небесполезно будет подвести некоторые итоги относительно форм борьбы за землю в киргизской степи и сделать несколько дополнительных замечаний, касающихся уже сильно заметного классового расслоения среди северных и вообще оседлых киргизов, чтобы затем перейти непосредственно к изложению киргизских взглядов на решение земельного вопроса в степных областях и нашей точки зрения на этот предмет. В предыдущем изложении, когда дело шло о причинах и условиях происхождения наблюдаемой ныне в киргизской степи пестроты и путаницы в земельных отношениях и распорядках, мы старались более или менее резко при всяком случае оттенять нашу основную мысль, что эти отношения и распорядки складывались на почве непрерывной борьбы за землю между кочевниками и оседлыми, этими двумя большими враждебными лагерями, на которые теперь распадается хозяйственно-однородный в былое время киргизский народ.

При этом мы в своем месте отметили, что такое положение вещей явилось в свою очередь результатом другой, более ранней борьбы, происходившей между кочевыми родами за право на лучшие и более широкие мангдаи или сферы влияния.

Сопоставляя между собой эти два момента, мы видим, что в настоящее время характер и

направление борьбы резко и существенно изменились по сравнению с прошлым.

Прежде каждый кочевой род, как бы он силен ни был, боролся с другими, если не равным, то все же однородным оружием. Он мог отодвинуть своих соседей-соперников в обе стороны — на восток и на запад, но никакими постоянными признаками результатов своей победы он закрепить за собою не мог*, и потому, при другом соотношении, при другой группировке сил, он мог быть сам вытеснен со своего мангдая совсем или, по крайней мере, ограничен, стеснен и с запада, и с востока. Т. е. борьба, при известных условиях, могла вестись с переменным успехом, допуская возможность даже неоднократной перемены ролей между победителями и побежденными.

Теперь, наоборот, одна из борющихся сторон — оседлые—постоянно живут на спорной земле или вблизи нее, имея возможность закрепить ее

* У кочевников такими постоянными признаками пользования данной полосою степи являются только колодцы в безводных местах и старый навоз на тех урочищах, где данная родовая группа стояла раньше, называемый специальным термином: «коун» (см. в назв. работе Дмитриева, стр. 26). Это не может, конечно, идти ни в какое сравнение с такими прочными и постоянными признаками пользования, как пашня, постройки, окопы для итогов и пр. у оседлых киргизов. Определенные границы землепользования являются уже на дальнейшей стадии развития оседлого хозяйства, но и они имеют силу постольку, поскольку они поддерживаются активно, путем фактического пользования, т. е. посредством тех же зимовок, пашен и пр.

за собою жилыми строениями или пашнями, когда как другая — кочевники — могут осуществлять фактически, осязательным образом свое право на то или иное урочище только в течение меньшей части года — каких-нибудь 3—4, много 5 летних месяцев, а в остальное время они волей-неволей должны покидать свои летние пастбища и стоянки на произвол судьбы, точнее на милость и великодушие своего противника. Прежде борющиеся всегда должны были чувствовать друг-друга «локтем» и зимой, и летом; теперь они сходятся только летом, на короткое время.

В силу этого изменилось и направление борьбы: оседлые, с упорным и настойчивым постоянством, теснят кочевников, не с запада на восток или обратно, а с севера на юг; постепенно закрывая своим противникам доступ в более северные районы. Здесь раз потерянное одной стороной и захваченное другой пространство земли уже навсегда остается в руках победителя: постановления некоторых межобластных съездов о сносе зимовок с летовочных мест никогда не приводились в исполнение, оставаясь только благими пожеланиями на бумаге.

Во многих районах степи, благодаря оседанию кочевников, борьба за летовки уже утратила свой острый и массовый характер; в других, как, напр., западной части степи, расположенной между Уралом и морями Аральским и Каспийским, эта борьба, напротив, только теперь приобретает наиболее резкие и страстные формы, выражаясь в массе споров, тяжеб, ссор, драк и нередко убийств. Чем многочисленнее кочевники и чем чище сохранили они, как адайцы, свою традиционную форму хозяйства вместе со сплоченностью и стройностью родовых отношений, тем более непримиримо ведут они себя на севе-

ре и тем с большей энергией защищают они основной принцип наших деревенских социалистов-революционеров: «Земля Божья».

И обратно, кочевники, сами имеющие зимой некоторый вид оседлости, как зимующие по берегу Каспийского моря в землянках и делающие некоторые запасы сена Гурьевские киргизы, склонны к более миролюбивой и компромиссной тактике, проявляющейся, как мы уже отмечали, в подарках, угощениях и вообще задабривании оседлых.

Но поскольку гурьевцы имеют свою землю по берегу моря для зимней пастьбы скота, они становятся во враждебное отношение с адайцами, у которых своей земли нигде нет и которые летом, не имея свободного доступа на север, значительными массами останавливаются в пределах Гурьевских волостей, вытравливая нужный «хозяевам» земли на зиму подножный корм. Недоразумения и столкновения и здесь за последние годы приобрели хронический характер, до крайности усложняя общую картину борьбы за землю.

Для полноты этой картины, поскольку дело касается кочевников, мы можем еще отметить, что даже и среди чистых кочевников, но принадлежащих к разным родам, на юге происходят схватки.

Равным образом из-за колодцев, обладание которыми обеспечивает пользование той или иной пастбищной площадью, дело иногда, говорят, доходит и до убийства.

Следовательно, лагерь кочевников так же не свободен от внутренней, междоусобной борьбы, как и лагерь оседлых, но только борьба имеет далеко не такой сложный и запутанный характер, как там.

Большая сложность борьбы за землю среди оседлых, живущих, по образному выражению Чиманова, «на птичьем положении», т. е. почти при полном отсуствии трудового начала хозяйства * объясняется следующим. Помимо далеко еще не завершившейся во всех степных областях борьбы между отдельными оседлыми общинами и волостями за преобладание на летних и осенне-весенних пастбищах, пока еще не совсем утративших характер былого общего пользования, оседлые иногда десятками лет враждуют и тягаются между собою из-за угодий постоянного, обособленного пользования: пашен, сенокосов и мест, удобных для постройки зимовок, пуская в ход друг против друга, как и против кочевников, типичные «свои средства»: насилие, самоуправство, обман, клевету, донос, подкуп должностных лиц и судей, наиболее действительные только в руках наиболее сильных и богатых общин и волостей.

Здесь мы соприкасаемся уже с весьма характерным для культурной земледельческо-оседлой части степи явлением: экономической и социальной дифференциацией, которая есть ничто иное, как следствие всепроникающей, внутренней борьбы уже не между родовыми или территориальными общественными единицами, а между различными по степени хозяйственно-экономическо-

* «Кушпильчилык тыйты кэсыб емес», сказал он же: «кочевая жизнь эта совсем не занятие, не промысел».

го обеспечения своими населения каждой такой единицы*.

Основная почва, благоприятствующая такому расслоению оседлого населения, заключается в том, что условия оседлой сельскохозяйственной жизни, которая имеет три устоя: земледелие, скотоводство и промыслы, весьма содействуют развитию в населении личной инициативы, предприимчивости и рабочей, производительной энергии, — чего нет и быть не может среди кочевников-скотоводов.

Правда, и при кочевом хозяйстве есть и должны быть удачники и неудачники, но разница в том, что неудачник-кочевник уже не кочевник: он попросту выбывает из строя, а масса действительно кочующих остается сравнительно однородной как прежде. Эти выбывшие из строя кочевники или разбредаются по русским поселениям и городам в качестве настоящих пролетариев, живущих исключительно «трудами рук сво-

---

* С грубо «марксистской» точки зрения в литературе это явление отмечено, если не ошибаемся, впервые в статье г. Валя: «К истории экономических отношений у киргизов». Научное обозр. 1901 г., январь. Автор пользовался данными Ф. А. Щербины, который, наоборот, пришел к противоположному выводу, что в степи не выделяются «особенно резко (!) крайние типы хозяйства», а преобладают средние (Кокчетавск. сборн., ст. 147); чудесные приключения этих «средних» были нами изложены в особом докладе: «О нормальной киргизской семье по исследованиям Ф. А. Щербины в связи с вопросом о выводе норм киргизского землепользования», прочитанном в Омске в конце 1902 г.

ках», или же чаще на тех или иных условиях пристраиваются среди населения оседлых волостей, увеличивая собою кадры его наиболее обездоленных, наиболее прижатых, придавленных элементов.

Другое дело дифференциация оседлых волостей. Здесь удачники и неудачники остаются жить вместе, бок о бок, причем, благодаря специфическим особенностям хозяйственного уклада, между обогащением одних и обеднением других существует прямая причинная связь и зависимость: одни бедны потому, что богаты другие, и обратно. Предприимчивый киргиз — северянин, путем разных чудовищно-кабальных ссуд и других долговых сделок, имеет полную возможность держать в руках своих менее обеспеченных одноаульцев, самым широким образом эксплуатируя и их рабочую силу и слабые стороны их собственного хозяйства, резко обнаруживающиеся при неизбежных колебаниях в урожае трав и хлебов.

С другой стороны, система ближайшего и всестороннего бюрократического руководительства и надзора за общественными отношениями киргизов, при наличности малосознательности и малокультурности их в массе, облегчает богатым киргизам возможность добиваться более значительных и выгодных общественных должностей, * упрочивая тем самым дальнейшую возможность быстрого обогащения за счет рядового населения. В оседлой степи поэтому резче, чем где бы то ни было, в наиболее грубой, ничем не прикрытой форме наблюдается типичное явление буржуаз-

* Главным образом должности волостного управителя, сопряженной с возможностью массы «темных» поборов, взяток и вымогательств.

вого общественного строя: богатый имеет власть, имеющий власть обогащается.

Этим и объясняется та бросающаяся в глаза с первого же взгляда разница и во взаимных отношениях между бедными и богатыми у кочевников и оседлых. Богатый и бедный кочевник не могут столкнуться в сфере землепользования и поэтому ходатайства богатых кочевников об улучшении судьбы их обедневших родичей путем отвода им на севере определенных земельных наделов для самостоятельного оседлого хозяйства являются вполне понятными и естественными.* Напротив, никаких признаков такой естественной солидарности между богатыми и бедными северянами мы уже не находим, а вместо того на каждом шагу натыкаемся на проявление более или менее явной, открытой борьбы между ними за землю и вообще благосостояние. Тогда как богатые настаивают на общинном, неразделенном пользовании зимними пастбищами и пахотными землями, стараясь в то же время всякими правдами и неправдами прибрать к рукам, в свое исключительное распоряжение, возможно большую площадь сенокосных угодий, бедняки хотят, чтобы все общинные земли были разделены поровну между всеми общинниками. Вместо фактически существующего, но не выгодного бед-

* Эта солидарность проявляется у кочевников и в более осязательной форме: кочевники богатые отдают нередко часть своего скота в безвозмездное пользование менее состоятельным и даже бедным с одним условием, чтобы те брали на себя пастьбу и вообще уход за этим скотом. (Отмечено у Дмитриева, op. cit, стр. 12—13; автор подчеркивает взаимопомощь, как основу подобной сделки).

ным пользования землею «по количеству скота, по благосостоянию», они добиваются, чтобы земля давалась по душам, одинаково, как для многоскотных, так и для совсем бесскотных. Иначе говоря, малосостоятельные слои оседлого населения степи уже доросли до сознания личного права на землю, сродняющего их психологию с психологией малоземельного крестьянства, но зато идущего вразрез со всеми степными традициями, которые до сих пор в наиболее чистом виде сохранились у кочевников, а в более узком и ограниченном смысле поддерживаются и оседлыми богачами скотоводами и богачами земледельцами на почве защиты вполне определенных материальных интересов.

Только считаясь с этой хозяйственно-экономической и социальной неоднородностью степного населения, мы можем должным образом понять и взвесить. его отношение к намеченному выше фактическому вмешательству правительственных учреждений в киргизские земельные отношения и обосновать в общих чертах программу и задачи поземельного устройства степи, как меры в высшей степени жизненного и практически неотложного характера.

XIII

Приготовляясь к выбору своих представителей в первую Государственную Думу, киргизы, вместе с остальными мусульманами России, приняли программу конституционно-демократической партии. Но так как в этой программе стоит, между прочим, широкая государственная помощь переселению на окраины и в том числе, значит, и в степные области, то по аграрному вопросу у киргизов вышло некоторого рода неприятное недо-

разумение. Дело было так. Переводя на киргизский язык программу к.—д., Уральская группа киргизов-кадетов по земельному вопросу, вместо официального текста, вставила следующую самостоятельную композицию.

«В основном законе должно быть написано, что киргизские земли принадлежат на право вечной собственности киргизскому народу без всяких других совладельцев. Законы о признании киргизских земель государственной собственностью и о переселении на них русских мужиков должны быть отменены, уничтожены. Без позволения самих киргизов русские не должны отбирать землю, ни во временное пользование, ни на вечность *.

Газетное сообщение о такой «подделке программы» заставило «авторитетного знатока» степной колонизации г. Кауфмана выступить печатно, чтобы дать должный отпор ни с чем несообразным, по его мнению, притязаниям киргизов по признанию за ними исключительного права на занимаемые земли.

С такого рода «исправлениями» партийной программы, от наиболее влиятельного и богатого меньшинства степного населения, партия народной свободы, по мнению г. Кауфмана, никоим образом согласиться не может, так как в его расчеты не может входить закрытие того наиболее надежного и даже «последнего» колонизационного района, какой представляют собою многоземельные киргизские степи. Наоборот, партия ставит своей задачей широкое содействие переселению, которое, по выражению г. Кауфмана,

* Киргизский текст программы, стр. 13, перевод наш.

чевяяется одним из немногих путей, где находит себе исход народная нужда в земле».

При том же, требование киргизов ни на чем не основано. Юридических прав на свои земли они никогда не имели, а от образования переселенческих участков киргизская народная масса страдает меньше, чем от своих собственных степных аристократов, богачей, которые сами же продавали землю русским.

Что касается землеотводного дела, то оно поставлено в степи на довольно рациональных и справедливых началах: отбиралась до сих пор только ничтожная часть тех «излишков», какие были определены «на основании богатого статистического материала, собранного экспедицией Щербины», которая отражала интересы киргизов «слишком широко, нежели недостаточно». Только условно, вероятно, на случай, если ему это будет доказано, г. Кауфман соглашается на пересмотр организации переселенческого дела в степных областях, «в связи с интересами киргизского народа и широкой [sic!] русской колонизации» *.

Приступая к разбору этой типичной казенной аргументации г. Кауфмана против типично-киргизского проекта решения земельного вопроса в степи, мы прежде всего должны заметить, что г. Кауфман далеко недостаточно объективен, сводя главную причину протестов туземного населения против колонизации степи исключительно к своекорыстным проискам и интересам киргизской буржуазии. Правда, богачи и воротилы оседлой части степи, как мы уже отмечали, весьма заинтересованы в сохранении существующего порядка вещей в степи от нарушении со стороны

* «Речь», 1906 г., №11.

колонизации, которая, отнимая у этих господ очень выгодную для них возможность сдавать в аренду русским излишние общественные и незаконно захваченные летовочные земли, навсегда лишает их былого пастбищного простора и обилия пахотных земель, весьма привлекательных для них, как скотоводов и крупных землевладельцев, засевающих иной раз по нескольку сот десятин хлеба. Бесспорно также и то, что экономические и земельные интересы этого сравнительно небольшого, но влиятельного слоя оседлого населения не только не солидарны, но часто прямо противоположны интересам остального оседлого населения и всех без исключения кочевников, как бедных, так и богатых. Наконец, не подлежит сомнению и то заметное влияние, какое оказали на прогресс киргизского земледельческого хозяйства, между прочим, и русские оседлые поселения, казачьи и переселенческие, причем, как мы уже выяснили, прогресс этот до известной степени повлиял на улучшение положения беднейшей части оседлых киргизов по сравнению с обедневшими кочевниками.

Но из всего этого совсем не следует, что все вообще киргизские протесты против колонизации вещь вздорная, искусственно вздутая, не имеющая под собою никакой серьезной основы в виде важных, жизненных и конкретных интересов широких масс киргизского народа.

Факт взаимной борьбы различных слоев и элементов степного населения на почве хозяйственно-экономических и земельных отношений, при правильном понимании его, совсем еще не дает повода к безусловному заключению в том смысле, что в деле отстаивания своих общих национальных прав и интересов, в деле протеста против правительственного произвола и угнете-

ния киргизы-бедняки и киргизы-кочевники, как сторона, страдающая от оседлой степной буржуазии, не захотят идти вместе с ней, а пойдут какой-то своей особенной дорогой.

Напротив ввиду крайней непопулярности созданного г. Кауфманом бессистемного и насильственного отбирания «излишних земель» в глазах всего степного населения, оседлые богачи принуждены в этом отношении говорить и делать только то, что нужно и что нравится «всему народу», который нисколько не жалеет денег на депутации и ходатайства, но который признал бы врагом, изменником общему делу всякого, кто осмелился бы открыто защищать колонизацию степи. Непосредственно соприкасаясь с киргизской жизнью в течение семи лет подряд, мы знаем, что, защищая общенародное дело, «ходатаи из числа северных оседлых воротил в виде общего правила не кладут охулки на руку при расходовании собранных с народа денег, но ведь так же поступал и О, Коннель, «Освободитель Ирландии», однако, никто из добросовестных людей не решится на этом только основании признать вздорными требования ирландцев об улучшении их положения. Несчастье угнетенных, задавленных народностей именно в том и состоит, что они вынуждены бывают поручать защиту своих прав как раз тем лицам из своей среды, которые, пользуясь забитостью и беззащитностью своих сородичей, нередко обирают и обманывают их самым беззастенчивым образом.

Мы признали бы вполне законной чиновничье-казенную экскурсию г. Кауфмана в область исторического материализма, социальных неравенств и борьбы классов—только в том случае, если бы он возвращался с другим багажом, кроме землеотводной баранты. А то, делая «отвод»

степной буржуазии, как выразительницы общенародных нужд, г. Кауфман самым невинным образом отмалчивается по вопросу о том, чем же, какими сторонами своими незаконное и бессистемное землеотводное дело в степи содействует прямо и непосредственно улучшению или облегчению участи страдающих от этой буржуазии кочевников и необеспеченных землею оседлых! Разве это дело не построено на сплошном и систематическом игнорировании интересов и земельных нужд именно этих двух элементов степного населения!

Разве г. Кауфман не настаивал так энергично на запрещении партиям производить исследование малоземельных оседлых районов и волостей! Разве он, в отчете за 1903 г., не проектировал прекратить доступ кочевникам в северные районы Уральской области, не имея ни малейшего представления о том, насколько гибельно может это отразиться на положении и так уже со всех сторон стесненных кочевников! * И, наконец, разве г. Кауфман забыл то знаменитое место в полемической бумаге Щербины, где этот автор «богатых статистических материалов» ставит себе в заслугу, что «нигде в этих материалах не встречается ни слова, ни намека на хозяйства южных киргизов и тем более на «условия существования» южных или сыр-дарьинских киргизов» (кочевников), заинтересованных в опреде-

* «К вопросу о колонизации Уральской области», стр. 32—33.

кочевых для северной, оседлой части степи «земельных излишках!» *

Из того, что было выяснено нами относительно «системы и порядка» землеотводных работ в степи, не трудно вывести, что, не давая малоземельным и безземельным оседлым и совершенно не устроенным в земельном отношении кочевникам ничего в положительной форме, работы эти отражаются на их судьбе чисто отрицательно.

При одном слухе об открытии землеотводных работ оседлые начинают усиленно «выпроваживать» кочевников с летовок: «Уходите, теперь не до вас: у нас, у самих, скоро землю отберут!» «Обиженные» отобранием земель под переселенческие участки многоземельные и богатые общины вознаграждают себя за счет ближайших летовок, а то и своих более слабых соседей. Если, при отобрании земель, зимовок и сенокосов лишаются богатые хозяева, они быстро достигают того, что общество отводит им новые места, нередко значительно «потеснив» бедняков из одноаульцев; зато в обратном случае, бедняки, лишившись «насиженных мест», по нескольку лет ждут великодушного внимания богачей к своей судьбе, так как партии, на основании директивы «о непридании работам характера их землеустройства», не обязаны устраивать сами тех, кого они обездоливают. Следовательно, даже в лучшем случае, нападая непосредственно на степных щук, система г. Кауфмана тем не менее ухудшает

---

* Ответ на критическую записку Тургайского губернатора, написанный Щербиною 22 сентября 1809 г. за №187. Дело идет о северной части Кустанайского у. Цитируем по первому изданию «Кустанайск. Сборника», стр. 104.

положение, главным образом, только карасей, за счет которых щуки без труда получают реванш за все отнятое у них, и потому г. Кауфман совершенно напрасно старается крокодиловыми слезами о положении степного плебса омыть грехи казенной колонизации: киргизы могут поверить ему в сто раз меньше, чем сам он верит «степной аристократии».

Нисколько не облегчается его положение и тем обстоятельством, что юридических прав на исключительное пользование своими землями, на праве вечной собственности, киргизы не имеют, Что же из того! Зато у них есть самое неоспоримое юридическое право на то, чтобы быть равномерно и справедливо обеспеченными землею прежде, чем «излишние земли» пойдут под переселенческие участки и лесные дачи: это право гарантировано им «степным положением». Почему же г. Кауфман не хочет считаться с этим правом должным образом! Не потому ли, что, ввиду тяжелого и безвыходного положения русских малоземельных крестьян, нельзя особенно строго считаться с разными писаными, бумажными законами, а приходится вникать в дело по существу и стараться удовлетворить властным требованиям реальной жизни! Прекрасно. Тогда почему же, на основании этого принципа, не вникнуть по существу и в положение кочевников и безземельных оседлых киргизов! Ведь их интересы и нужды заслуживают, думается, не меньше внимания, чем нужды и интересы переселенцев! С этой точки зрения, никак уже нельзя понять и оправдать колонизации степи, которая дело ставит с «излишками» головой вниз: вместо того, чтобы сначала дать киргизам то, что им нужно, а затем взять себе остальное, излишнее,

она делает как раз наоборот: берет лучшее, а остатки отдает киргизам.

Продолжая, в качестве кадетского «литератора», защищать то дело, которому он служил как самый заядлый бюрократ, и пользуясь слабым знакомством публики с киргизскими земельными порядками, г. Кауфман навязывает партии народной свободы, признающей автономию окраин и самоопределение национальностей, такую позицию в вопросе о киргизской степи и ее колонизации, на которой прилично стоять разве только самодержавной бюрократии вкупе с истинно русскими «дворянами, охотно простирающими свои крупноземлевладельческие вилы по направлению к совершенно чужой для них повети «многих миллионов кочевнических земель» *.

Но что простительно бюрократии и дворянам, по представлению которых «в азиатских владениях Империи ныне пустуют громадные пространства пригодной для обработки земли» **, которым во что бы то ни стало нужно создать из колонизации хоть сколько-нибудь серьезный громоотвод против аграрных беспорядков и принудительного отчуждения частной земельной собственности и для кого степная колонизация есть лишь частный вопрос общей программы «обрусения окраинных инородцев», — то совсем непонятно и непростительно для человека, столь основательно доказавшего широкой публике вредность и пагубность увлечения «широкими задачами» переселения вообще и в частности установившего, что «колонизационная емкость киргиз-

---

* Из обращения депутации донских дворян к гр. Витте по поводу проекта Кутлера в январе 1906 г.

** Декларация 13 мая 1906 г.

«ких степей не стоит ни в каком отношении с их необъятными пространствами» и что в будущем там едва ли можно будет рассчитывать на устройство еще такого же количества переселенцев, какое уже живет на переселенческих участках, т. е. максимум 300—400 тысяч мужских душ лет за 15—20 усиленных землеотводных работ. *

От таких, еще не успевших примениться к новой для них роли защитников «народной свободы», деятелей старого режима, как г. Кауфман, ни одна приличная политическая партия не может принимать никаких «даров», ибо эти данайские приношения слишком уж сильно пропитаны духом того господина, которому жертвователь еще так недавно и так усердно служил, духом бюрократического, бесконтрольного самовластия.

Для г. Кауфмана киргизы, как народ, имеющий собственные земельные нужды и интересы, независимо от «интересов широкой русской колонизации», совершенно не существуют. Живой и цельный организм степных земельных отношений он склонен резать землеотводным ножом так же спокойно и хладнокровно, «как режут анатомы трупы» **, лишь бы это только было сообразно раньше с «видами правительства», а теперь — «с программой партии», понятой в чисто канцелярско-бумажном, неподвижно-формалистическом духе. Партийный бюрократический канцеляризм на смену канцеляризма департамент-

---

* «Переселение и колонизация», А. А. Кауфмана, IV—V и 229—234 стр.

Цифровой расчет сделан нами приблизительно.

** Из неизданного памфлета на работы Щербины и Кауфмана, написанного в Омске одним межевым техником.

ского — это все, что могут дать такие политические «девицы», как г. Кауфман, если к нему применить известную французскую пословицу: la plus jolie fille ne peut donner que ce qu'elle

XIV

Приведенные выше три пункта напечатанной в Уральске киргизской аграрной программы, надо сознаться, формулированы настолько удачно, что им обеспечено такое же горячее и дружное сочувствие большинства степного населения, каким в малоземельном крестьянстве пользуется формула: «Земля Божья, земля трудящимся». И это потому, что здесь вместе с отменой старых законов о колонизации степи и включено издание такого нового закона, который допускал бы изъятие киргизских земель, навсегда или на время, только с согласия самого народа.

Это и есть то здоровое жизненное ядро, которое целиком может быть положено в основу степного поземельного устройства, но которое ускользнуло совершенно от внимания казенных знатоков киргизской жизни.

Отчасти виною этому сами оседлые киргизы, которые до последнего времени стояли на узко националистической точке зрения, подчеркнутой настолько грубо и наивно, что для таких ловких «по части науки» дельцов, как г. г. Щербина и Кауфман, не стоило никакого труда доказать полную неосновательность замешанных на подобных дрожжах киргизских петиций и ходатайств.

Заветная мечта авторов таких петиций, происходящих действительно из среды оседлой степной буржуазии, это выраженная в первом пункте уральской программы — «вечная» или «вотчин-

ная собственность» киргизов на занимаемые ими земли. «Закроем колонизацию, получим всю землю в собственность и будем жить по обычаю!» Вот форма, в которой такие ходатаи преподносили свою программу малосознательным оседлым киргизам и всем кочевникам, умалчивая, однако, о тех мерах, какие необходимы для того, чтобы эта жизнь «по обычаю» была выгодна большинству народа, а не одним только оседлым богачам. Вопрос об этих практических мерах безусловно и неминуемо обнаружил бы резкое разногласие между различными слоями и элементами степного населения, а вместе с тем выставил бы в надлежащем свете действительные интересы и стремления оседлой буржуазии, которой совсем не выгодно ни разделение пахотных и сенокосных угодий по душам, как того хотят оседлые бедняки, ни неприкосновенность общих летовок в границах, установленных межобластными съездами, как того добиваются кочевники.

Г. Кауфман вполне прав, когда он думает, что узко националистическое требование вечной земельной собственности, исходя от степной, оседлой буржуазии, далеко не выражает собою действительных нужд всего киргизского народа, особенно его наиболее обездоленных элементов; степные воротилы ходатайствуют; «народ молчит».

Но интересно, каким бы это образом степной народ мог о своих действительных нуждах и потребностях довести до сведения г. Кауфмана, если он заблаговременно запретил партиям производить исследования малоземельных районов, церемониться с кочевниками и вообще делать что бы то ни было другое, кроме отыскивания и использования «хозяйчиков» по системе «урвать да удрать!»

Искренняя боязнь г. Кауфмана, как типичного бюрократа-колонизатора, чтобы временные партии не занялись изучением киргизской жизни для самих киргизов и нечаянно кого-нибудь не устроили в земельном отношении, «в ущерб продуктивности землеотводного дела», — служила лучшей гарантией, что, в чем бы киргизский народ сам по себе ни нуждался, о чем бы он ни просил, на это никто не обратит ни малейшего внимания, ибо это противоречит, идет вразрез тому «заранее обдуманному намерению», с каким за последние годы бюрократия стала относиться к «переселению и колонизации». Зеркало внимания к киргизским земельным нуждам было сознательно перевернуто в степи обратной, задней стороной, и нечего г. Кауфману удивляться, что рядом с собственным лицом он увидел там только упитанную, но кривую физиономию степной буржуазии, которой, конечно, как и самому г. Кауфману, совсем уже «не к лицу» роль истинного защитника народных интересов.

Эти самостоятельные интересы у киргизской народной массы существуют сами по себе и требуют к себе самого серьезного и глубокого внимания со стороны русского общества и русского народа. Чтобы подкрепить правильность нашего взгляда на сущность этих интересов, мы в общих чертах изложим содержание появившихся за последний год киргизских приговоров, ходатайств и петиций, составленных уже в ином духе по сравнению с тем, что старались провести степные воротилы из оседлых волостей, уклоняясь от детальной разработки и изложения своей земельной программы.

Вместо ссылки на архаический указ Анны Иоанновны, написанный так, что из него можно вывести все, что угодно, авторы новых ходатайств

ссылаются на закон 1891 г., в разъяснении Государственного Совета не допускающий места никаким двусмысленным толкованиям. Вместо требования вечной собственности, идущего вразрез с законом, новые петиции настаивают на поземельном устройстве всей степи по закону.

Безусловное, националистическое отрицание колонизации, отчасти продиктованное теперь уже неосуществимым желанием отгородиться от непосредственной связи с русским народом, здесь заменяется требованием немедленного приостановления колонизации, но лишь временно, до тех пор, «пока имеющиеся в степи земельные излишки не выяснятся как остаток от поземельного устройства всего местного населения». В то время, как оседлые богачи, защищая от переселенческих участков захваченные у кочевников летовочные земли, всегда называли себя тоже «кочевниками» и скотоводами, скрывая резкую дифференциацию степи, но на деле широко используя ее в своих целях, в новых ходатайствах мы находим вполне ясное и сознательное отношение к происходящей в степи борьбе за землю, возникшей благодаря противоположности интересов отдельных слоев и групп населения: кочевники здесь противопоставляются оседлым, и оседлые различаются на обеспеченных и не обеспеченных землею. Вместо огульного отрицания каких бы то ни было земельных излишков в северной части степи, как это делали в своих жалобах оседлые богачи, новое течение степной мысли вполне признает эти излишки, но требует, чтобы они были употреблены прежде всего на обеспечение землею кочевников и малоземельных оседлых. Наконец, взамен полемики против исследований Щербины с целью доказать их

принципиальную ненужность[*] , теперь, наоборот, требуется, чтобы было произведено более «всестороннее и научное исследоавние всей степи и точная подробная съемка земель ее в целях поземельного устройства», а не исключительно в целях землеотводной баранты, как это делается по рекомендации г. Кауфмана[**] . А что всего интереснее, адайцы, эти коренные и исконные кочевники скотоводы, на которых все смотрели, как на каких-то особенных, своеобразных людей, не признающих обычных для оседлых хозяев понятий, — в июле месяце 1905 г., по двум волостям Темирского уезда составили приговора об отводе им в средней части уезда, на определенно указанных урочищах, зимовочных и летовочных мест, «так как, не имея определенной земли, они в минувшую зиму достигли до крайнего разорения (гибель скота)». Отдельные передовые адайцы, как напр. Омурзак Чопанов, уже приступили к подготовительным работам по устройству постоянных жилищ на облюбованных ими урочищах.

---

[*] Со ссылками на губернаторов, генерал-губернаторов и «других ученых публицистов!»

[**] Приговора Эмбо-Темирской и Темир-Уркачской вол., Тем. у., за июль 1905 г.; докладная записка, поданная уральскими и тургайскими киргизами д. с. с. Забелло, в Оренбурге, в начале октября, того же года; прошение четырех волостей: Сашматаевской, Улу-Самской и др., Темирск. у., поданные уральскому губернатору; прошение Джиренькупинской волости, Уральского уезда, в главное управление земл. и земледелия; прошение Чиманова в министерство внутренних дел, от 6-го августа того же года; а также постановление Темирск. уездного съезда крест. нач., от 20 августа 1905 г.

В свою очередь, в приговорах и ходатайствах оседлых волостей, которые еще так недавно заявляли: «Что нам кочевники! Нам русские ближе, чем они!» начинает звучать уже новая струна участия к безвыходному положению «наших сородичей кочевников», которые «кочевать не могут за отсуствием скота, а заниматься земледелием и сенокошением у них нет подходящей земли» (приговор Темир-Уркачской вол.). Вообще тот порядок землеотводных работ, «когда излишние земли отбираются у отдельных аулов и волостей, не обращая внимания на то, что есть сотни тысяч безземельных киргизов-кочевников», доверенные Джиренькупинской волости (Урал. у.) не могут признать «справедливым и законным: несправедливо это потому, что безземельный киргиз должен обращать на свои нужды не меньше внимания, чем крестьянин переселенец, а незаконно потому, что, по ст. 120 степного положения, разъясненной Государственным Советом, казна имеет право отбирать у киргизов излишние земли не прежде, чем будет произведено равномерное обеспечение землей всего киргизского народа». Эмбо Темирская волость следующим образом формулирует то назначение, какое должны получить «избыточные земли» в оседлых волостях: эти земли должны быть обращены на удовлетворение нужд малоземельных и безземельных киргизов как местных, так и кочующих (!), а также на отвод летовок и кочевых путей для тех кочевников, которые пожелали бы продолжать прежний кочевой образ жизни, и затем уже, если окажется излишек земли, то таковой предоставить под предполагаемые переселенческие участки».

Все это в высшей степени знаменательно, так как здесь, вместо огульных протестов и расплыв-

чатых лозунгов прежнего времени, намечается определенная и положительная практическая программа, построенная не на диктатуре оседлой буржуазии, а на признании за всеми киргизами равного права на земельное обеспечение. Фиктивная, призрачная солидарность всех «киргиз-кайсаков» на словах, при наличности упорной внутренней борьбы их между собою на деле, уступает место действительной солидарности наиболее обездоленных масс степного населения, проистекающей из вполне беспристрастной и объективно-сознательной оценки причин и условий этой борьбы и стремления найти такое решение степного земельного вопроса, которое поставило бы по возможности все элементы киргизского народа в сравнительно одинаковые условия борьбы за существование и размножение.

С этим вполне справедливым и разумным стремлением русские передовые политические партии не могут не считаться как с явлением безусловно жизненным и серьезным, чтобы там ни утверждали и ни доказывали разные казенные авторитеты и знатоки киргизского земельного вопроса, вроде г. Кауфмана.

XV

Подводя итог всему сказанному нами о киргизских взглядах на решение аграрного вопроса степи, мы должны заметить, что новое киргизское течение, требующее поземельного устройства до колонизации, но не протестующее против признания степи государственной собственностью, определилось далеко еще в недостаточной степени для того, чтобы с успехом противостоять старокиргизскому, националистическому, настаивающему на передаче всех степных земель в

вечную собственность киргизского народа, без всяких совладельцев, что для малосознательной массы населения имеет более определенный и более привлекательный характер.

Так как в основе старокиргизской аграрной программы, имеющей пока наибольшие шансы на успех в степи, скрыто стремление оседлой степной буржуазии обеспечить себе господствующее, главенствующее положение и в будущем, не поступившись ничем существенным ни кочевникам, ни малосостоятельным и малоземельным оседлым, то мы считаем необходимым остановиться на этом вопросе еще раз несколько более подробно, осветив его с новой, более широкой точки зрения.

Защищая полностью современный земельный простор и обособленность степи, оседлая буржуазия, не сознавая того, защищает культурную отсталость киргизов, их лень, беспечность и невежество, потому что слабая населенность всякой страны или области — главные препятствия всевозможным «прогрессивным течениям» в ней: люди, что камни в реке,—чем больше трутся друг о друга, тем глаже становятся.

В русской земле «порядка» до сих пор не было именно потому, что она всегда была слишком велика и обильна по сравнению с численностью населения. Обилие новых, «пустопорожних земель» на окраинах, бывшее в каждый данный исторический момент к услугам населения коренной России, мешало ему сгуститься везде более или менее равномерно и выработать более прочные и культурные формы общественности. Русский человек, идя всегда в направлении наименьшего сопротивления, привык «бегать» от неудобств своей жизни, вместо того, чтобы устранять их путем борьбы и труда.

Большая «теснота жизни» в северных районах степи содействовала, вместе с поднятием общего культурного уровня и сознательности местного населения, развитию среди него более рациональных форм земледельческо-скотоводческого хозяйства и различных промыслов, а это делает благосостояние его несравненно более устойчивым и более гарантированным от всяких случайностей, чем в том случае, если бы все его надежды были сосредоточены на одном скоте, как у кочевника.

Положение энергичного и предприимчивого киргиза Карачаганакской волости (см. II гл.), который, порвав всякие связи со степными традициями, легко может прожить не только на казачьем, но и на самом обыкновенном переселенческом наделе, нас настолько мало пугает, что мы от души желали бы, чтобы все бедняки киргизской степи были оставлены в экономическом и хозяйственном отношении не хуже карачаганакца: пока это для большинства из них недостижимый идеал.

Мы совсем несклонны смотреть на киргизский народ, как на нуждающееся в постоянном постороннем уходе тепличное растение, способное произрастать только на почве чистого скотоводства при условии неограниченного пастбищного и вообще земельного простора. Чтобы быть действительно, фактически равноправными с остальным населением государства, киргизы, очевидно, должны стремиться к тому, чтобы со временем научиться вести свое хозяйство целесообразно и умело при равных с другими элементами русского сельского населения условиях.

Только тогда, оставаясь киргизами, как особой полноправной народностью, они перестанут

быть в глазах всего культурного мира дикарями или по меньшей мере «инородцами».

Поэтому-то, на наш взгляд, колонизация степи сама по себе не представляет ничего особенно ужасного и пугающего, если только она будет обставлена должными гарантиями и являться лишь частной, производной задачей в широкой программе степного поземельного устройства, организованного в целях выяснения и удовлетворения земельных нужд всего местного населения. Основным принципом этой капитальной и многосложной работы должны быть укрепление землевладения или землепользования и уравнение землеобеспечения всех слоев и элементов киргизского народа, которые страдают сейчас, как это мы старались выяснить в предыдущем, главным образом от резкой неравномерности и несправедливости в распределении земель и угодий между отдельными волостями и аулами и от несоответствия отживших и отживающих «традиций и обычаев» потребностям пробивающего себе путь нового хозяйственного строя.

Государство поэтому должно немедленно же расширить программу своего вмешательства в степные земельные отношения, чтобы гарантировать этому вмешательству большую справедливость и плодотворность. Вместо бессистемной и бессмысленной «погони за излишками и изъятиями», задачей работающих в степи учреждений землеустроительного ведомства должно быть прежде всего устройство безземельных и малоземельных киргизов и всех кочевников, а затем уже, если после того окажутся излишки в многоземельных волостях, образование из этих излишков переселенческих участков.

Только тогда эти учреждения перестанут, как мы это видели выше, своей вечной поспешностью

и торопливостью вносить новую путаницу и в без того уже до крайности запутанные формы борьбы за землю в киргизской степи, и только тогда эта степь получит тот наиболее справедливый и сообразный с интересами и потребностями современной киргизской жизни порядок в земельных отношениях, которого она никогда и не знала, так как там до сих пор господствовало и господствует только право сильного.

С другой стороны, только признание за русским народом, уже использовавшим для себя около 17 миллионов дес. лучших земель в степи, права и на те земельные излишки, какие могут оказаться там впоследствии, за окончанием местного поземельного устройства, дает киргизскому народу право требовать, чтобы это поземельное устройство, как работа не чисто местного, а общегосударственного характера, было произведено не за счет местного населения, которому ввиду громадности пространства степных областей, такой расход окажется совершенно непосильным, а за счет всего народа, который в недалеком будущем будет признан единственным и полноправным хозяином всех земель государственной территории, осуществляющим свое право через посредство местных строго „демократических органов.

В обратном случае, добившись, как того хотят вожаки старокиргизской партии, признания всех имеющихся сейчас в их распоряжении земель «вечной собственностью» киргизского народа, киргизы были бы поставлены перед безвыходной дилеммой: или разориться на колоссальные расходы по настоящему, справедливому поземельному устройству степи, или произвесть это дело кое-как, своими средствами, «по обычаю», т. е. наверняка упрочить дальнейшую диктатуру степ-

ной буржуазии, увековечив существующий хаос степных земельных отношений, самым тяжелым образом отражающийся на положении кочевников и оседлых не обеспеченных землею киргизов.

Таким образом, как с широкой точки зрения исторической необходимости равномерного распределения народа по всей территории государства для устранения наблюдаемой теперь по отдельным районам и областям культурной и хозяйственной пестроты, поскольку она не вызывается разностью объективных, естественно-исторических условий, так и с более узкой, частной точки зрения правильно понятых жизненных интересов массы небогатого трудового населения и степи, — старокиргизское требование «вечной собственности» на все киргизские земли не выдерживает никакой критики. Поэтому, вместо девиза старокиргизов: «Киргизы были и должны остаться скотоводами и кочевниками», мы вполне искренне присоединяемся к тому новому киргизскому течению, которое говорит: «Киргизы были до сих пор инородцами, но должны быть культурными и полноправными гражданами русского государства, которые не будут нуждаться ни в какой посторонней помощи и опеке после того, как будет закончено поземельное устройство степи!»

Мы верим и знаем, что степь, при мало-мальски устойчивом и культурном хозяйстве, легко будет в состоянии прокормить гораздо больше людей, чем сейчас, при отсталых формах хозяйства, она прокармливает голов скота.

XVI

Переходя к практической стороне дела, мы должны признать, что современное положение

земельных отношений в киргизской степи места-ми сложилось настолько неблагоприятно для отдельных элементов населения, что оставлять их в таком же виде до тех пор, пока не проявятся результаты общего поземельного устройства, совершенно немыслимо. Необходимы наиболее легко и быстро осуществимые, но чисто практические меры для того, чтобы создать для обезземеленных и наиболее стесненных степняков некоторый modus vivendi некоторую возможность, без больших страданий и неудобств, спокойно ожидать своей очереди в поземельном устройстве.

Такими мерами, понятными и привычными для степи, могут явиться новые межобластные, областные и уездные съезды уполномоченных от киргизских волостей для обсуждения земельных нужд, как целых районов, так и отдельных безземельных, малоземельных и кочевых волостей и аулов, и для временных отводов: оседлым новых или дополнительных земельных наделов, а кочевникам — кочевых путей, водопоев, переправ и летних стоянок. Съезды эти, имея в виду, что дальнейшие захваты земель киргизами друг у друга совершенно бесцельны и вредны, так как при поземельном устройстве излишние земли все равно будут отобраны, несомненно, сумеют на время уравновесить и примирить интересы враждующих и спорящих между собою групп населения, внушив им уверенность в том, что неустранимые пока неудобства и недостатки в их землепользовании имеют уже чисто временный характер, до рассмотрения дела в поземельноустроительных учреждениях.

Вместе с тем, эти же съезды могут дать необходимый фактический материал и представить

свои соображения о местных земельных нуждах и задачах поземельного устройства, причем сводка всех этих материалов и мнений могла бы быть сделана на общекиргизском съезде с участием официальных и неофициальных знатоков киргизского вопроса и вообще лиц, могущих быть полезными своими сведениями и познаниями. На основании материалов такого съезда и его постановлении, обсужденных и разобранных в повременной печати и в отдельных изданиях, Государственная Дума была бы в состоянии без больших затруднений наметить программу, характер и организацию подготовительных работ поземельному устройству степи в виде сплошных межевых работ и всестороннего научного исследования хозяйства и условий жизни всего местного населения.

Широкое участие органов местного управления, которые также необходимо организовать на совершенно новых началах, — как в подготовительных работах так и в обсуждении результатов их в целях выработки норм земельного обеспечения для отдельных районов и вообще порядка и условий наделения киргизов землею, — обеспечило бы Государственной Думе возможность сравнительно легко справиться с задачей установления основных начал и норм поземельного устройства населения однородных по естественным и хозяйственным условиям районов степи.

Практическое проведение в жизнь этих основных начал, понятно, может быть плодотворным и целесообразно гибким только при условии участия в деле, на тех или иных установленных законом основаниях, тех же органов местного реорганизованного, строго демократического самоуправления.

Таков, по нашему мнению, может быть практически вполне осуществимый и достаточно планомерный путь к решению сложной земельной задачи в киргизской степи, допускающей наибольшую вероятность справедливого уравнения интересов как отдельных слоев и элементов местного населения, так и всего киргизского народа, с одной стороны, и остального населения в государстве — с другой, чего, как было выяснено выше, совершенно нет в современном грубом и бессистемном вмешательстве правительственных учреждений в степные земельные отношения при разделении земельных споров и образовании переселенческих участков и лесных дач.

Чтобы возбудить в местном населении недоверие к мысли о поземельном устройстве степи, некоторые из бывших сотрудников г. Кауфмана по колонизации грозят тем, что тогда всем киргизам будут даны «мужицкие» душевые наделы по 15 дес., или 45—50 десятин на хозяйство, в то время как теперь им, «по нормам Щербины» и его преемников, остается фактически на хозяйство не менее 100 десятин. Но эти благодетели и благожелатели киргизского народа упускают из виду только одно маленькое обстоятельство, что сотни тысяч киргизов не имеют и такого «мужицкого» надела, мечтая о нем, как о царствии небесном. Пусть этим киргизам будет предоставлено сравнительно немного земли, но это немногое должно быть дано им безусловно раньше, чем государство наложит свою руку на «излишние» киргизские земли. «Дайте нам всем только то, что нам следует по закону: лишнего мы не хотим!»—уже и сейчас говорят передовые киргизы вроде Мурзагула Чиманова.

Одним словом, как бы, в какой форме потом ни был поставлен и законодательным путем раз-

решен вопрос о киргизском поземельном устройстве, Кауфманский землеотводный Кароагеи должен быть разрушен прежде всего и немедленно: колонизация должна быть приостановлена.

Это единодушное желание всего киргизского народа, который теперь, кроме Государственной Думы, никому не верит и ни от кого не ждет улучшения своей участи, всеми силами, всеми средствами протестуя против продолжающейся и по сейчас землеотводной баранты.

В полученном нами письме из Актюбинского уезда сообщается, что «киргизы начинают уже действовать и действовать дружно, одновременно: отказываются от подписи протоколов, от указания границ и вообще от какого бы то ни было участия в незаконных землеотводных работах, уклоняются от доставки рабочих, юрт, баранов, и пр. для топографов и производителей работ и вообще мешают им работать. На угрозу губернатора казаками отвечают: «Если скотина передохнет от недостатка земли, и мы сами все равно должны будем умереть. Уж лучше перебейте нас: умрем, защищая свою землю!»

Причина такого отношения и озлобления добродушных по природе киргизов заключается в полной, абсолютной безрезультатности их бесчисленных депутаций, петиций, ходатайств, приговоров и протестов по поводу несправедливости и незаконности землеотводных работ, напоминающих собою кота в басне, который «слушает да ест».

Всевозможные недоразумения и резкие столкновения с переселенцами за последний год также участились. Военное положение в областях Акмолинской, Семипалатинской и Семиреченской введено еще в январе месяце, и в большинстве

остальных степных областей, если не ошибаемся, действует усиленная охрана.

При таких условиях дальнейшее продолжение землеотводных работ в степи, нисколько не облегчая аграрного кризиса в России, явится лишь грубой, и резкой, но совершенно бессмысленной и бесцельной провокацией антирусского шовинистического движения среди киргизов. Положим, при беззащитности и мягкости «сынов степи» особенно много «вооруженных сил» для их усмирения даже в самом крайнем случае не понадобится, но зачем, кому нужно поднимать мирную и беспомощную степь, столь наивно и усердно доказывавшую свою «верноподданность» и свою непоколебимую веру в справедливость правительственной власти! Ведь нет такого учреждения, хотя бы отдаленно прикосновенного к степи, куда бы киргизы не являлись десятками раз со своими слезными просьбами и мольбами, а о всяком местном начальстве и говорить нечего, — а в результате военное положение!

Но если вполне мирного и «верноподданного» поведения и самых почтительнейших, самых униженнейших ходатайств киргизов о том, чтобы в земельном отношении с ними было поступлено по степному положению, т. е. буквально «во всей строгости закона», то какой же иной путь для защиты своих нарушенных и нарушаемых прав может им рекомендовать «министерство законности и порядка!..»

Не тот ли путь, который избрали сами киргизы и который выражается в следующем заявлении их землеотводным чиновникам по поводу «излишних земель». «Если Государственная Дума скажет: отдай! то отдадим, не скажет — не отда-

дим!»*. Этот путь безусловно, самый правильный и надежный. Взяв в свои руки власть и распорядок в государстве, ныне сам угнетенный и бесправный русский народ может смело сказать киргизам, как и всем другим иноплеменникам в России: «Пока мне было плохо, было плохо и вам; но теперь, когда я стал свободен, и вы все будете свободны, всем вам будет хорошо!».

Мы знаем, что русский народ — не националист, и потому твердо верим, что надежды киргизов на его справедливость и беспристрастие в деле решения степного земельного вопроса не будут обмануты.

---

* «Государственны Дума бер дисе биремиц, димесе бер моймыз!».

ИЗДАНИЯ С. ДОРОВАТОВСКОГО И А. ЧАРУШНИКОВА

Р. Авенариус. Критика чистого опыта в популярн. изложении А. Луначарского. Новая теория позитивн. идеализма. Holzapfel Panideal Критическое изложение А. Луначарского. Ц. 80 к.

В. Базаров. Труд производительный и труд, образующий ценность. Ц. 40 коп.

А. Баранов. В защиту несчастных женщин (приложение: устав Казанского О-ва защиты несчастн. женщин). Ц. 40 к.

Т. Барвенкова. Раздолье (повесть). На мели. По способу Коха (Рассказы). Ц. 80 к.

Н. Блинов. Жизнь Робинзона. (В чем счастье?) Изд 3-е. С 102 рис. Ц. 70 к., в коленкор. папке 1 р.

А. Богданов. Краткий курс экономич. науки. Издание 9-е, вновь исправленное. Москва, 1906 г. Ц. 60 к.

А. Богданов. Эмпириомонизм. Статьи по философии. Кн. I, изд. 2-е. Ц. 80 к.

Его же. Эмпириомонизм. Статьи по философии. Кн. II, изд. 2-е. Ц. 70 к.

Его же. Эмпириомонизм. Книга III. Ц. 75 к.

Его же. Новый мир. Статьи 1904—1905 г. Цена 40 к.

Е. Булгакова. Из жизни средневекового ремесленника (с 23 рис.). Цена 50 к.

А. Б-ич. Месть крестьянина. Исторический роман из времен Людовика XIV. Цена 25 к.

А. Быкова. Рассказы из истории Ирландии с XII века до наших дней. (Портреты: Парнелля и О' Коннеля). Ц. 80 к.

А. Быкова. Рассказы из истории Франции XVII—XVIII в. (Эпоха Бурбонов). Ц. 1 р.

Л. Василевский. Современная Галиция (с картой). Ц. 80 к.

Ч. Ветринский. Среди латышей. Очерки (с 12 рис.). Ц. 25 к.

Его же. Божьи дети. (Сборник). Ц. 7 к.

Виктор Гюго. Маленький Наполеон. Перев. с франц. Ц. 50 к.

Е. Джунковская. Средняя школа нового типа в западно-европейских государствах. С 12 рис. Ц. 75 к.

Н. Дьяконов. Возникновение партийной организации Германской социал-демократии. Ц. 25 к.

Д. Н. Жбанков. О врачах. Ц. 75 к. Моск. 1903 г. Стр. 176.

Г. Жеффруа. Л. Бланки. Его жизнь и революцион. деятельность. С портретами и рисунками. Ц. 1 р.

Н. Катаев. Сельский кредит и крестьянское хозяйство в России. Ц. 25 к.

Его же. К вопросу о теории социального развития. Ц. 80 к.

А. А. Кирпищикова. Повести и рассказы. (Из жизни в приуральских заводах). Ц. 70 к.

С. Н. Кривенко. На распутье. (Культур. скиты и культ. одиночки). Ц. 80 к.

А. Малинов. На задворках фабрики. Край без будущего (по приволжским степям). Ц. 80 к.

Н. Мирович. Страница из истории Великой Французской Революции [г-жа Ролан]. С 2 портр. Ц. 1 р.

Ф. Д. Нефедов. Сочинения тт. III и IV. Ц. по 1 р.

Его же. Святочные рассказы. Ц. 60 к.

И. Озеров. Общество потребителей. Исторический очерк их развития в Западной Европе, Америке и России. Краткое руководство к основанию и ведению потребит. обществ. С предисловием академика И. И. Янжула. 2-ое издание, значительно дополненное и исправленное. Ц. 2 р.

Редактор З. К. Сабитова.
Художественный редактор Е. А. Соколова.
Технический редактор Б. Турабаев.

Сдано в набор 9.04.91. Подписано в печать 23.05.91. Формат 60х84, 1/32. Печ. л. 3,875. Усл. п. л. 3,6. Усл. п. кр.-отт. 3,6 Уч.-изд. л. 4,4. Печать офсетная. Бумага типографская. Заказ 519. Тираж 100000 экз. Цена 3 руб.

РИО Алма-Атинского производственного объединения «Полиграфия».

480057, Алма-Ата, Жарокова 154-а.

Городская типография №1, п/о «Полиграфия» Алма-Атинской области. 480096, г. Алма-Ата, ул. С. Муканова, 223 «б».

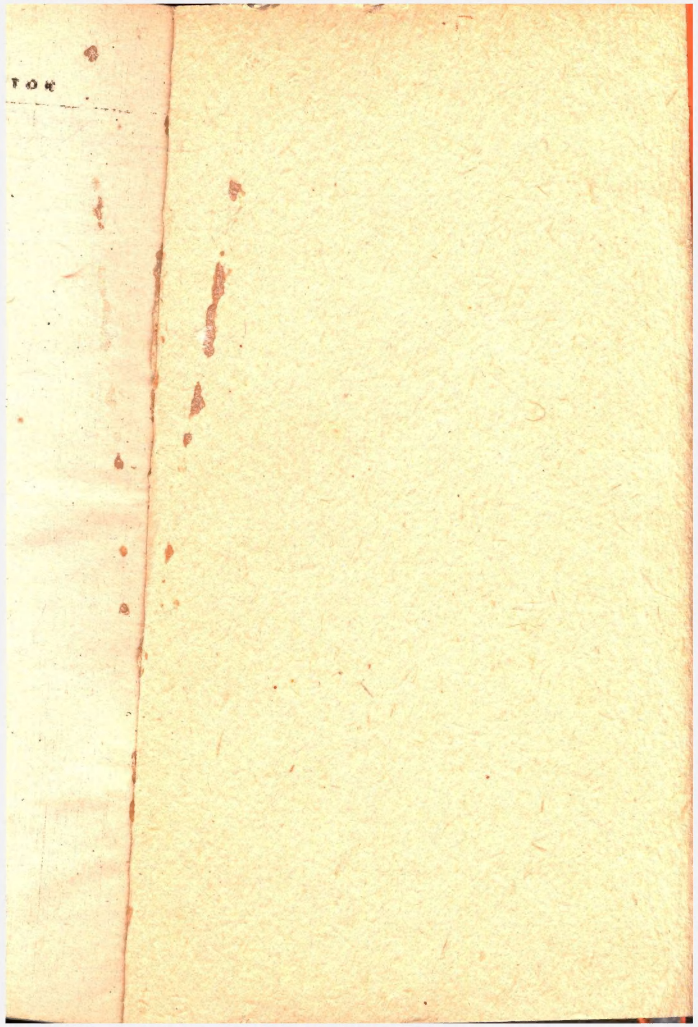
Редакция выражает благодарность Казахскому республиканскому отделению Советского фонда культуры за оказанное содействие в издании книги.

Отзывы по книге просим высылать по адресу: 480057, г. Алма-Ата, ул. Жарокова, 151 в Редакционно-издательский отдел АОПО «Полиграфия».

Для заметок

Для заметок

Для заметок

3 руб.

